

К методике сравнения этимологических работ (ответ на рецензию М. А. Живлова)

В статье предлагается формальный подход к оценке качества этимологических работ, в основе которого лежит алгоритм последовательного и полного анализа всех уровней сравнения. В качестве иллюстрации прямо противоположного подхода авторы приводят разбор недавней рецензии на монографию [Норманская, Дыбо 2010], написанной, по мнению авторов, в жанре «критики частных без учета целого».

Ключевые слова: праязыковая реконструкция, уральская семья языков.

В рецензии М. А. Живлова [Живлов 2010] на [Норманская, Дыбо 2010], оперативно опубликованной в предыдущем выпуске настоящего журнала, идет речь о книге, в которой приведен огромный объем нового материала: предложены новые этимологии для **235** слов современных уральских языков, проанализирована и уточнена реконструкция **294** праязыковых лексем, рефлексами которых являются около **двух тысяч слов** в современных уральских языках. Работа над книгой велась в соответствии с общими принципами Московской школы компаративистики, изложенными в [Дыбо 1989], [Старостин 2005]. Это прежде всего следование принципам строгости фонетических соответствий, выработанным классической компаративистикой; четкое понимание необходимости «поэтапной реконструкции» и связанное с ним понимание того, что реконструкция более содержательна и более информативна, чем отдельный языковой факт, а потеря информации в конечной реконструкции в большинстве случаев является результатом незавершенности промежуточных реконструкций и что именно прогресс в завершении промежуточных реконструкций или даже ясное осознание степени их завершенности приводит к резкому повышению информативности и точности конечной реконструкции.

К сожалению, в рецензии об этом не сказано ни слова. В ней приводятся краткие замечания менее, чем к 30 отдельным словам. Интересно, что ни для одного из этих слов не анализируется полная его этимология, приведенная в «Тезаурусе». Практически всегда разбирается лишь одна форма, вырванная из этимологии, а часто лишь одна фраза, касающаяся этого слова, иногда данная в скобках, как примечание, иногда даже фраза, процитированная из [UEW], которая как раз критикуется ниже по тексту «Тезауруса» (примеры см. ниже). Рецензия, таким образом, построена на основе анализа фраз, вырванных из контекста.

Итак, с точки зрения методики написания рецензий статья М. А. Живлова представляет собой особый жанр «критика частных без учета целого». Именно поэтому автор рецензии не описал ни объема материала, проанализированного в «Тезаурусе», ни

как были решены задачи, поставленные авторами рецензируемой монографии: точная семантическая реконструкция названий природного окружения на основе алгоритма семантической реконструкции, уточнение локализации прародин носителей тюркского и уральского праязыков и всех дочерних уральских праязыков, анализ семантических переходов в названиях природного окружения и выявление закономерностей их появления. Рассматривались только отдельные этимологии, что также сделано по методу «критики частных без учета целого». Для большинства слов, упомянутых в рецензии, в «Тезаурусе» приводятся абсолютно новые уральские или финно-угорские этимологии, в которых сравниваются три, четыре и более рефлексов из разных языковых групп. В рецензии ни разу не приводится целиком критикуемая этимология и отсутствуют оценки сопоставлений в ее рамках, речь всегда идет только об одной форме. Из анализа отдельных слов, вырванных из контекста, делается весьма глобальный вывод, касающийся не только рассматриваемой книги, но и всех работ Ю. В. Норманской, которая является автором 6 монографий и более 80 статей:

Все указанные недочеты в подаче, обработке и анализе языкового материала (увы, типичные для публикаций другого соавтора [Ю. В. Норманской]) не позволяют отнести «Тезаурис» к серьезным работам в области сравнительно-исторического языкознания¹.

Конечно, нельзя отрицать важность точности каждого сопоставления в отдельности. Но оказывается, что критика в рецензии отдельных слов сама содержит ряд ошибок и неточностей, большинство критических замечаний не могут быть приняты. Ниже ответы на замечания М. А. Живлова разделены на следующие группы.

- 1) Сами замечания содержат фактические ошибки.
- 2) В рецензии М. А. Живлова критикуется ряд идей из предшествующей литературы, которые просто разбирались в «Тезаурусе», также с указанием на их недостатки; но из-за того, что цитата была вырвана из контекста, у читателей рецензии должно было сложиться впечатление, что идеи были выдвинуты авторами «Тезауруса».
- 3) Фраза «Тезауруса» была вырвана из контекста и поэтому неправильно проинтерпретирована.
- 4) Высказывание авторов «Тезауруса» было неправильно понято автором рецензии.
- 5) Автор рецензии обратил внимание на действительную неточность, которая, впрочем, не влияет на общую правильность выводов или этимологического сближения.

1. Сами замечания содержат фактические ошибки

1. Автор «Тезауруса» предлагает такую этимологию (стр. 181–182), и даже называет её достаточно надёжной (стр. 239). Более того, для автора эта этимология оказывается определяющей при локализации финно-угорской прародины (стр. 248). Речь идёт о сравнении финского *kojama* ~ *kojato* ‘большая мужская особь лосося’, северносаамского *goadjin* ‘id.’ и северномансийского *kōm* ‘lazas, сёмга / Lachs’ [Munkacsı & Kalman 1986: 218]. Оставляя в стороне вопрос о соотношении финского и саамского слов (скорее всего, финское слово заимствовано из саамского, см. [Aikio 2009: 253]), обратимся к северномансийскому *kōm*. В словаре [Munkacsı & Kalman 1986], известном неточностью фонетической записи, за обозначением *ō* может скрываться как северномансийская фонема /*õ*/ (впоследствии перешедшая в /*o*/), так и /*ü*/. Северномансийское /*õ*/ восходит к прамансийскому **ā*, а северномансийское /*ü*/ — к прамансийскому **ū*. В обоих случаях прамансийское **k* перед задними гласными должно было переи-

¹ Здесь и далее цитаты из рецензии [Живлов 2010] оформлены врезками.

ти в северномансийское χ . Следовательно, северномансийское слово, начинающееся на $k\bar{u}$ - или $k\bar{o}$, скорее всего, является относительно недавним заимствованием. По всей видимости, рассматриваемое слово можно отождествить с современным северномансийским $k\bar{u}m$ 'хариус' [Афанасьева 2008: 20], [Афанасьева, Игушев 2008: 24], заимствованным из коми kom 'хариус'.

Критика этимологии, предложенной в «Тезаурусе»: ФУ **koj(a)ma* 'благородный лосось, семга': фин. *kojata* 'большая мужская особь лосося, большая рыба'; саам. N *goadjin*, I *kuáijim* 'большая мужская особь лосося' [SSA I: 386; Aikio 2009: 252]; манс. N *kōm* 'семга' [МК: 218], — которая строится на анализе фонетических соответствий финско-саамских форм с обско-угорской, несостоятельна.

Рассмотрим, является ли наличие k перед задним гласным в северномансийском диалекте N в записях Б. Мункачи признаком недавнего заимствования? Оказывается, нет. Вот примеры слов, которые по [Honti 1982; UEW] имеют обско-угорское происхождение, но в записях Б. Мункачи ko -² в северномансийском диалекте: манс. N *koji* 'folgen' [МК: 217; Honti 1982: 745; UEW: 155]; N *koj, koji* 'Sprössling, Kind' [МК: 217; Honti 1982: 743; UEW: 133] и многие другие. Может быть, в этих случаях всегда для прамансийского языка Л. Хонти [Honti 1982] и вслед за ним М. А. Живлов [Живлов 2006] предлагают реконструировать гласный переднего ряда для прамансийского языка? Это не так. Прамансийская реконструкция, например, слова манс. N *koji* 'folgen' неизвестна, поскольку соответствия гласных в рефлексах этой лексемы абсолютно нерегулярны. В других случаях часто, действительно, восстанавливается ПМанс. **ǐ* [Honti 1982] / **ü* [Живлов 2006] Возникает вопрос, всегда ли ПМанс. **ǐ* [Honti 1982] / **ü* [Живлов 2006] переходит в северномансийское o ? Оказывается, нет, наиболее частотными рефлексами ПМанс. **ǐ* [Honti 1982] / **ü* [Живлов 2006] являются северномансийские a или u : ПМанс. **sǐŋk* (**süŋk* (~ -ä))³ 'Hügel' > So *saŋok*, ПМанс. **tǐkäs* (**tüks* (~ -a)) 'Herbst' > So *takos*, ПМанс. **lǐk-* (**lük-*) 'plötzlich eintreten; springen' > So *lak-*, ПМанс. **kǐrəŋ-* (**kürəŋ-*) 'brummen' > So *kury-*, ПМанс. **pǐkii* 'Wanst, Magen' > So *piki*. Количество таких примеров легко увеличить. Ни Л. Хонти, ни М. А. Живлов не указывают, в каких случаях ПМанс. **ǐ* [Honti 1982] / **ü* [Живлов 2006] переходит в северномансийское o .

При этом анализ этимологий [UEW] показывает, что часто ПУ/ФУ гласный заднего ряда переходит в передний гласный как в прамансийском (в реконструкции [Honti 1982; Живлов 2006]), так и в отдельных мансийских диалектах. Вот несколько примеров:

ПУ **juwV* 'Kiefer, Föhre; Pinus silvestris' > ПМанс. **jīw* > Tj *jīw*, KU So *jīw*, P *jīw* [UEW: 107; Honti 1982: 175];

ФУ **junča* ~ **juča* 'Einschnitt; (bezeichneter) Weg, Pfad' > манс. KU *jšš* 'Kerbe, Rinne, Furche' [UEW: 104];

ФУ **mučV* 'Ende' > манс. Tj *miš* [UEW: 283];

ФУ **nojta* 'Zauberer, Schamane; zaubern' > манс. Tj *näjt*, KU *ńǐjy*, P *näjtikum, näjt* 'Vorhersagung, Weissagung', P *ńǐjt-*, KU *näjtakal-*, *ńǐjtəxal-* 'zaubern', [UEW: 307];

ПУ **ńOIV* (**ńula*) 'etwas Schlüpfriges; Baumsaft, Schleim, Splint; schlüpfrig sein, sich ablösen, ablösen, schinden' (> фин. *nula* 'Schleim des Fisches') > манс. KU So *ńíl-*, P *ńíl-*, *ńíl-* 'schälen, ausnehmen (Fische)' [UEW: 329];

² Для прамансийского языка долгота явно не имела фонологического характера, поскольку очень часто встречаются 1) колебания по долготе в рамках одного диалекта, 2) долгота в разных диалектах друг другу не соответствует. В рамках настоящей статьи нет возможности детально разбирать этот вопрос, который не является принципиальным для настоящей дискуссии. Но в дальнейших публикациях мы планируем дать подробное доказательство отсутствия фонологически значимой долготы в прамансийском языке.

³ Здесь и далее без скобок приводится ПМанс. форма по [Honti 1982], а в скобках по [Живлов 2006].

ФУ *ońca-rV ‘Hauer, Hauzahn’ > манс. Тҗ *ǰńǰar*, КУ Р *ǰńǰar* ‘Hauzahn’ [UEW: 340];

ПУ *ńońɗa- (ńoɗɗa-) ‘(Spuren) verfolgen’ > манс. Р *ńiwl-* [UEW: 323].

Поэтому, если оставаться в рамках прамансийской реконструкции [Honti 1982; Живлов 2006] (с поправкой на явную несущественность долготы в одной диалектной форме), можно предположить, что для прамансийского названия ‘лосось’ следует реконструировать Пманс. **kūm*, которая могла быть рефлексом ФУ **koj(a)ta* ‘благородный лосось, семга’. Но, как было показано выше, сама прамансийская реконструкция в настоящее время фактически не имеет объяснительной силы, и нуждается в серьезной доработке, которая должна позволить объяснить как рефлекс в современных мансийских диалектах, так и правила появления прамансийских гласных из прафинно-угорского языка.

Приведенный здесь разбор показывает, что существует ряд исконных северномансийских слов с *ko-* в анлауте, но на настоящем этапе развития мансийской реконструкции вокализма нет правил, которые бы описывали условия появления *o* в первом слоге этих слов, ни при развитии системы вокализма из прамансийского, ни тем более из прафинно-угорского языка. Таким образом, нет фонетических оснований, на которых следовало бы отвергать происхождение манс. N *kōm* ‘семга’ из ФУ **koj(a)ta* ‘благородный лосось, семга’.

Альтернативное этимологическое предложение М. А. Живлова о заимствовании манс. N *kōm* ‘семга’ из коми *kom* ‘хариус’ и тождестве этой мансийской формы, засвидетельствованной в конце XIX в., с современным северномансийским *kūm* ‘хариус’ [Афанасьева 2008: 20] не кажется достаточно обоснованным. Значения предположительного источника заимствования и предположительного результата заимствования, все-таки, очень сильно расходятся. Рыбы хариус и семга совершенно не соотносимы: средняя масса хариуса 700 г, длина 40 см, максимальный вес около полутора килограммов, а максимальный вес семги — 43 кг. Поэтому по [Лыткин, Гуляев 1970: 131] удмуртское соответствие коми *kom* ‘хариус’ — название также небольшой рыбы, *куну* ‘язь’ (обычно его вес 1 кг, длина 30—50 см). Этимология же, предлагаемая в «Тезаурусе», семантически безупречна.

2. На стр. 171 читаем: «В [Лыткин, Гуляев 1970: 47; DEWOS: 1625] предполагается, что коми слово заимствовано в обско-угорские языки: хант. V, Vj, Trj, J, DN *wǎrəs*, КОР *wǎrəš*, Ni, Kaz, Sy *wǎrəš*, O *warəs*, Ahl *vorš*, *varāš*, PB *vǎrəš* ‘ястреб’, но представляется, что, учитывая широкую представленность этого слова в хантыйских диалектах, нельзя исключить, что в хантыйском языке представлен рефлекс прауральского слова, а не коми заимствования». Дело, конечно же, не в распространённости слова, а в нерегулярных соответствиях между хантыйскими диалектами/языками (V Vj Trj J DN *s* — KoP Ni Kaz Sy *š*, V Vj Trj J DN KoP *ǰ* — Ni Kaz Sy *ɔ* — O *a*), исключающих возможность того, что слово восходит к прахантыйскому.

Высказывание рецензента неверно, поскольку по корпусу праобскоугорских этимологий [Honti 1982], который лег в основу кандидатской диссертации М. А. Живлова [Живлов 2006], есть ряд примеров аналогичных соотношений в исконной хантыйской лексике:

1) по консонантизму:

хант. Trj *soč-*, O *sos-* — DN, Ni *šuš-*, Kaz *šoš-* ‘schreiten’, [Honti 1982: 560],

хант. DN *jěs-* — Ni, Kaz *jěšar* ‘Streifen’, [Honti 1982: 170],

2) по вокализму:

хант. V, Vj *ǰŋat* — DN, KO *oŋat* — Ni, Kaz *ŋat* ‘por’, [Honti 1982: 52],

хант. Vj *kǎwǎl*, Trj *kǎpǎl* ‘Zwischenraum’ — DN, KO *χopǎl* ‘Höhlung’, [Honti 1982: 304].

Количество примеров такого соотношения рефлексов по диалектам легко увеличить.

Поэтому мы все же считаем, что название ‘ястреба’ в хантыйском языке может и не быть заимствованием, поскольку оно широко представлено в хантыйских диалектах.

3. Коми *völd* ‘пороша’ (более правильная транскрипция — *věld*) возводится к ФУ *wVlte- (стр. 66), коми *kolír* — к ФП *kolV- (стр. 73), а коми *bała* ‘ягнёнок’ к ПП *pVIV (стр. 116), хотя коми *í* не может восходить к *l.

Как известно, на материале этимологий [UEW] очень часто коми *í* восходит к *l (в реконструкции [UEW]), ср.

ФУ **čOlKV-* ~ **čElKV-* > коми *žuljal-*, *žullal-* ‘*schwach glänzen, schimmern*’ [UEW: 46];

ФУ **läńčV* ~ **läčV* > коми в. *líč* ‘*leicht (e.g. um Herz)*’, с. *líčjd*, п. *líčjt* ‘*schlaff, lose*’, *ličot* ‘*schwach*’ [UEW: 240];

ФУ **leńV* > коми с. *leń*, п. *veń* ‘*ruhig, still (Wetter); windstill*’, уд. *lońjd* ‘*schlaff, schwach*’, с. *luń-* ‘*herabsinken, erschlaffen (männl. Glied)*’⁴ [UEW: 246];

ФУ **molV* (**mulV*) > коми с. *mol* ‘*Perle*’, луз. *ńur-mol*, п. *turi-mol* ‘*Moosbeere*’ [UEW: 279];

ФУ **ńulV* > коми иж. *ńj* ‘*abschüssig*’, печ. *ńjlk*, с. *ńjlkęs*, в. *ńjokęs* ‘*Abschüssigkeit, Abhang*’, с. п. *ńjldj-* ‘*ausgleiten, ausglitschen*’ [UEW: 327].

Количество таких примеров так велико, что едва ли не превышает набор с твердой рефлексацией ФУ *l в коми. Вообще следует отметить, что не только в коми, но и в удмуртском, хантыйском, мансийском языках спорадически появляется мягкость у рефлексов «твердых» в реконструкции [UEW] сонорных согласных. Наоборот, праязыковые «мягкие» сонорные по [UEW] спорадически дают твердые рефлексы в этих языках. Представляется, что вопрос о реконструкции твердых и мягких сонорных согласных в настоящее время не может считаться исследованным. Нельзя исключить, что твердые vs. мягкие сонорные согласные возникали в пермских и обско-угорских языках независимо, поэтому предложенные нами этимологические гипотезы с этой точки зрения столь же корректны, как и другие этимологии [UEW].

4. Саам. I *joarådoh* ‘долго длящаяся сухая, ясная и жаркая погода’ возводится к гипотетическому ПУ **jawá-* со следующим пояснением: «Инлаутное *w выпадает в саамском» (стр. 78) — на самом деле интervoкальное *w в саамском всегда сохраняется.

На материале этимологий [UEW] видно, что ПУ **w* далеко не «всегда» сохраняется в саамском, вот несколько примеров из [UEW], когда в ряде саамских диалектов **w* выпадает:

ФУ **luwe* > саам. N *lulle -l-* ‘*South-, southern*’, *luk’sâ* ‘*towards the south*’, *lulas id.*, I *lullē* ‘*östlich, Ost-*’, *luksa* ‘*gegen Südosten, nach Osten*’ [UEW: 255],

ПУ **śuwe* > саам. N *čoddâ -d’dâg-* ‘*throat*’, T Kld *čont*, Not *čodd* ‘*Speiseröhre, Schlund*’ [UEW: 492].

5. Относительно сравнения фин. *pisara* ‘капля’ (в «Тезаурусе» это слово ошибочно переведено как ‘капли, капельки’) с морд. E, M *piže-* ‘идти (о дожде)’ автор говорит: «[к]ак отмечают и сами авторы [UEW], инлаутные согласные в прибалтийско-финских и мордовских формах друг другу не соответствуют» (стр. 83). Это вдвойне неверно: во-первых, авторы [UEW] ничего подобного не отмечают [UEW: 732], во-вторых, фин. -s- и морд. -ž- регулярно соответствуют друг другу и восходят к ПУ *ś.

В [UEW] для этого слова восстанавливается **pisa* (**piśa*). Из неоднозначной реконструкции инлаутного согласного следует, что авторы [UEW] не могли однозначно восста-

⁴ В этом слове видно, что мягкость появляется лишь в некоторых диалектах.

новить инлаутный консонантизм. Они указывают, что если все-таки принимать праформу **pisa*, то палатализация согласного в морд. возникла под влиянием *i*. Таким образом, авторы [UEW] не считали, что формы являются надежными рефлексами **piša*, и даже предполагали редкое ассимиляторное развитие в мордовском. Почему они так считали? Вероятно, потому, что примеров аналогичного соотношения инлаутных рефлексов в фин. и морд. на материале [UEW] крайне мало, около 5 (3 из них в заимствованиях). На материале уточненного корпуса этимологий [Sammallahti 1988] для прауральского уровня **ś* в интервокальной позиции реконструируется только для одного слова ПУ **kãši-* ‘present’ [Sammallahti 1988: 538]. На финно-угорском уровне в том слове, которое по [Sammallahti 1988] имеет ФУ **ś* в интервокале, в мордовском представлено *ć*: ФУ **iśä* ‘father’ > морд. *о́це* [Sammallahti 1988: 541]. Рефлексы других слов с ФУ **ś* в интервокальной позиции в мордовских языках не зафиксированы. Таким образом, можно сказать, что на материале уточненного корпуса этимологий [Sammallahti 1988] нет даже двух надежных примеров рефлексии ПУ/ФУ **ś* > морд. *ź*.

Но поскольку такое соответствие все-таки встречается еще в двух исконных словах по [UEW], мы и не отказались от рассматриваемого сравнения, а даже дополнили его мансийским рефлексом, но дали мелким шрифтом, как не вполне надежное фонетически: ФУ **pisa* (**piša*) ‘капли, дождь’ [UEW: 732]: фин. *pisara* ‘капли, капельки’, *pisaa-* ‘капать’; эст. *pisar* (Gen *pisara*) ‘капля’; морд. Е, М *piže-* ‘идти (о дожде)’, Е *pižeme*, М *pižem* ‘дождь’; манс. N *pās̄yi-* / *pās̄yi-* / *pas̄yi-*, LM *põssi*, K *pāsi*, T *paskhânt* ‘течь, капать’ [Munkácsi 1986: 417].

2. В рецензии критикуются идеи из предшествующей литературы, которые просто разбирались в Тезаурусе, также с указанием на их недостатки. Но из-за того, что цитата была вырвана из контекста, у читателей рецензии должно было сложиться впечатление, что идеи были выдвинуты авторами Тезауруса

1. На стр. 151 к гипотетическому ПУ **kora-* ‘самка глухаря, куропатка’ предлагается возводить ПСаам. **kõrppēlē* и морд. М:Sel *корэпа* ‘глухарка’. На самом деле ПСаам. **-pp-* и морд. *-p-* могут восходить только к **pp*.

ПУ **kora-* — это реконструкция [UEW], она предложена не нами. В тексте комментария, который дается к этой этимологии в «Тезаурусе», ясно сказано «На основании сравнения фин., саам. и мар. следует реконструировать ФВ **koppa-lall’a*».

2. Нерегулярное соответствие инлаутных согласных при сравнении угорского **luwV* ‘лошадь’ с фин. диал. *luro* ‘кобыла, лошадь’ оправдывается следующим образом: «на материале этимологий [UEW] есть один пример, когда ФВ **p* соответствует ПУг **w*, — это ФУ **čawV* (**čara*) ‘кислый, становиться кислым’» (стр. 122). Не говоря уже о том, что эта этимология крайне сомнительна, нужно отметить, что фин. *hарап* (род. п. *hараппен*), морд. Е *šарамо*, М *šарата*, мар. К *šарê*, вопреки [UEW], могут восходить только к праформе с инлаутным **pp*.

Таким образом, соответствие ФВ **p* — ПУг **w* оказывается уникальным и сравнение угорского названия лошади с финским следует отвергнуть.

Реконструкция **pp* в **čawV* (**čara*) не была предложена в [UEW], поскольку она не проходит из-за угорских рефлексов: хант. Vj *čëγ-*, О *suw-* ‘становиться кислым, портиться (о тесте)’, Kaz *š̄iw* ‘тесто, опара’; манс. KU *š̄ōγт* ‘испорченный (о муке)’, LU *š̄ēw-*, LO *sāw-*

‘становиться кислым’; венг. *savanyú* ‘кислый’, *savó* ‘сыворотка’, ? *sóska* ‘щавель кислый’, др.-венг. *sósul* ‘становиться кислым’.

В UEW нет ни одного примера аналогичного развития **pp* > ПУг. **w*.

А этимология **luwV* и в «Тезаурусе» дается как крайне ненадежная, потому что на материале корпуса [UEW] есть лишь еще одно аналогичное инлаутное соответствие, но, учитывая идеальное семантическое соответствие, мы сочли, что ее стоит упомянуть. Предложена она была не в «Тезаурусе», а в [Дыбо 2007], о чем эксплицитно сказано.

3. Фраза авторов Тезауруса была вырвана из контекста и потому неправильно проинтерпретирована

1. На стр. 177 в связи с тундровым ненецким словом силер” ‘подросший птенец серой чайки; белый с чёрными крапинками (о масти оленя)’ утверждается, что «[п]о словарю [Salminen 1998], er” в ненецком слове является суффиксом». На самом же деле Салминен не выделяет в этом слове никаких суффиксов [Salminen 1998: 348] и приводит в указателе корней отдельный корень SYILYER [Salminen 1998: 425].

Как видно из текста цитаты, мы утверждали, что по данным словаря [Salminen 1998] в ненецком существует суффикс *-er*”. На стр. 347—350 словаря можно найти многочисленные примеры слов, образованных с помощью этого суффикса. Приведем несколько примеров:

танз-er” ‘поземка, вьюга с низовым ветром’ [Терещенко 1965: 626], *TAHSYØ* → *yeR* [Salminen 1998: 347],

тáнз-er” ‘темная тень, синева’ [Терещенко 1965: 626], *TØHSYØ* → *yeR* [Salminen 1998: 347],

тонд-er” ‘насыпь’ [Терещенко 1965: 669], *TON-ÿ TA* → *yeR* [Salminen 1998: 350].

В слове *силер*” Т. Салминен, действительно, не выделяет суффикс, вероятно, в связи с тем, что основа без суффикса не засвидетельствована. Однако, тот факт, что суффикс *-er*” зафиксирован, позволяет постулировать его и в этом слове. Тем более, что в предложенной в «Тезаурусе» этимологии ПУ **cülv* ‘чайка’: венг. *csülő* ‘моевка, трехпалая чайка’ [EWUng: 238]; ненец. Т *siler*” ‘подросший птенец серой чайки; белый с черными крапинками (о масти оленя)’ [Терещенко 1965: 559]; энец. *sil’are* ‘белый с черными крапинками (масть оленя); подросший птенец серой чайки; сероватый; белый с синеватым оттенком; пестрой (белой с черными волосками) масти; светло-серо-(темно-бело-)голубоватый’ [Helimski 2007] и в энецком рефлексе (ненецко-энецкое сравнение предложено Е. А. Хелимским в [Helimski 2007]) присутствует суффикс *-are*, ср. аналогичное образование: энец. *sex-are* ‘дорога’ ~ *sex-ai* ‘старая дорога’. Таким образом, в этой этимологии, возможно, следует говорить об общем северно-самодийском суффиксальном образовании. Следует отметить, что по словарю [SW] суффиксальные образования на **-r-* для прасамодийского языка были одними из наиболее продуктивных, ср. ПС **jáâ-* ‘земля, место’ > **jáârâ-* ‘песок, песочный берег’, [SW: 36—37], ПС **kâtâ-* ‘крыло’ > **kâtâr-*, [SW: 62]. Таким образом, представляется, что предложенная нами этимология ПУ **cülv* ‘чайка’ вполне корректна с точки зрения словообразования.

2. На стр. 68 утверждается, что «как известно, пермское *-ž-* может восходить только к инлаутному ФП **-š-*». Как указывает П. Саммаллахти, «the normal reflex of single intervocalic **č* is **t* in Finnic and voiced **ž* in Permic» [Sammallahti 1988: 523].

Действительно, высказывание «Тезауруса», приведенное здесь, не вполне корректно, поскольку на материале этимологий [UEW] пермское *ž-* может восходить как к инлаут-

ному ФП *š (ср., например, *pišä ‘жарить, готовить’ [UEW: 385], *ašV (*ošV) ‘жеребец’ [UEW: 607]), так и к ФП *č. Но полный текст комментария к этимологии сохраняет свою силу, ср. на стр. 68: «Сравнение саамских и пермских форм позволяет однозначно реконструировать инлаутный согласный ФП *-š-, а не *-č-, как постулируется в [UEW]», поскольку на материале этимологий во всех случаях саам. N -ss- и перм. -ž- у рефлексов одного и того слова встречаются лишь для лексем с ПУ инлаутным *š (ФП *pišä ‘жарить, готовить’ [UEW: 385], ФП *(j)iša ‘кожа’ [UEW: 636]).

4. Идеи авторов Тезауруса были неправильно поняты М. А. Живловым

1. Этимология слова ‘казарка’ сопровождается в «Тезаурусе» тремя картами, показывающими распространение трёх видов казарок. Ни один из трёх ареалов, показанных на картах, не пересекается ни с территорией Эстонии, ни с областью распространения восточнохантыйского языка, а обсуждаемые в книге слова со значением ‘казарка’ встречаются только в эстонском и восточнохантыйском. Непонятно, как это соотносится со сделанным на стр. 116 заявлением, что «[д]ля млекопитающих, птиц и рыб карты распространения ... приводятся только в тех случаях, когда они релевантны для анализа семантических переходов или локализации прародины.

Карты распространения казарки приводятся как раз в соответствии с правилом, указанным на стр. 116, поскольку они могут оказаться релевантными для локализации прародины. Казарка не встречается на территориях распространения тех языков, где представлены рефлекс слова, значит, можно предполагать, что казарки встречались на прародине, и как реликты рефлекс этого слова сохранились в нескольких языках. На картах показаны три различных ареала обитания казарок, и прародина должна была включать один из этих трех ареалов. Как видно из карт, приведенных в «Тезаурусе», ареал обитания казарок фактически охватывает только крайний Север, поэтому это является косвенным доказательством того, что прародина финно-угров захватывала крайние северные территории. К сожалению, мы не можем утверждать об этом с большой степенью надежности, поскольку в палеобиологии территории обитания птиц в III тыс. до н. э. еще недостаточно изучены.

2. Так, морд. E:Večk řešt'or переводится как ‘кошель из липовой коры’ (стр. 10) вместо правильного ‘кошель / Korb’ [MW:1628], что служит для автора основанием сравнивать это слово с мар. M piste ‘липа’ (причиной ошибки послужило, по-видимому, приведённое у Паасонена словосочетание *léngeñ řešt'or* ‘Ranzen aus Lindenrinde’, где *léngeñ* значит ‘Lindenrinde’, а *řešt'or* — ‘Ranzen’). Мнение Паасонена о том, что слово заимствовано из диалектного русского пестер, пещер, пещур, в «Тезаурусе» не упомянуто.

Следует отметить, что морд. E:Večk řešt'or ‘кошель’ не может быть русским заимствованием, см. об этом [Аникин 1997: 466], который указывает, что, наоборот, русское слово является финно-угорской субстратной лексемой. А. Е. Аникин доказывает это следующим образом: в русских диалектах представлены формы с инлаутным колебанием консонантной группы -ст- / -хт- : н.-индиг. *пестер* ‘плетеная корзина’, ср.-обск., арх. *пехтерь* ‘плетеная корзина’⁵. Это колебание не поддается объяснению на русской почве, но, по мнению А. Е. Аникина, оно сопоставимо с ПФ -ht- ~ саам. -st- ~ морд. -št-, которое представляет собой инлаутные рефлекс ФВ *št. Поэтому А. Е. Аникин видит в этом русском слове субстратное включение из исчезнувших финно-угорских языков. Таким образом,

⁵ Полный список форм см. в [Аникин 1997: 466].

оказывается, что привлечение данные русских диалектов косвенно подтверждает предложенную нами реконструкцию с консонантным кластером *št: Волж *pešte- ‘липа, лещина’, по сравнению с праформой [UEW: 726] *pākšnā.

А. Е. Аникин также указывает на то, что финно-угорское субстратное слово связано с мар. *Л. nõштыр*, *Г. пешы́р* ‘пестерь’. Интересно отметить, что в мар. есть и форма *пестер* ‘пестерь, берестяное лукошко’ [Васильев, Саваткова, Учаев 1991: 246], видимо, в свою очередь, заимствованная из русских диалектов.

Возникает вопрос, как связано марийское слово мар. *Л. nõштыр*, *Г. пешы́р* ‘пестерь’ с реконструированным нами волжским *pešte- ‘липа, лещина’ [UEW: 726]: морд. *Е. řešte / řeštše*, *Е:Mar*, *Е:Е:Нl*, *Е:Е:Jeg řešče*, *Е:Atr*, *Е:Večk*, *Е:Е:NBajt řešte*, *Е:VVr*, *Е:Kal řešče*, *Е:Kažl*, *Е:Ba řeštä*, *М. řeště*, *М:Р. řäštä*, *М:Prol řäščä*, *М:Ur řäščä*, *М:MdM:Jurtk řeštä* ‘лещина, орех’ [Paasonen 1990—1999: 1626], *Е:Večk řeštor* ‘кошель’ [ук. соч.: 1628]; мар. *СК, CÜ piste*, *Ch pište*, *В pište*, *М pište*, *МК pišta*, *UJ pište*, *US, USj pišty*, *UP pišty*, *pišty*, *Р pište*, *В pišta*, *JT pište*, *JO pišta*, *К pista* ‘липа’ [Bereczki: 49]. Очевидно, что оно не может быть рефлексом этого волжского слова, поскольку в марийском названии липы гласный первого слога *i*, а в названии пестеря мар. *Л. ö*, *Г. e*.

Каково же происхождение марийского слова? Для ответа на этот вопрос следует проанализировать соотношение гласных первого слова в мар. *Л. nõштыр*, *Г. пешы́р* ‘пестерь’. На основании анализа корпуса прамарийских слов, собранных в [Bereczki], можно сделать вывод, что соответствие гласных, представленное в этом слове не встречается в исконной лексике. Стандартным соответствием мар. *Л. ö* является *Г. ü* или *ö*: *Л. lödö* ‘ловушка, капкан, западня’, *Г. lüdy* ‘ловушка, капкан, западня’; *нöštyláš* ‘месить, перемешивать, размешивать (тесто, глину и т.п.)’, *Г. nüštylaš* ‘месить, перемешивать, размешивать (тесто, глину и т.п.)’; *Л. pörjén* ‘мужчина’ (*jen* ‘человек’), *Г. püérýy* ‘мужчина’; *Л. šön* ‘жилы, сухожилия’, *Г. šön* ‘жилы, сухожилия’.

Единственный пример, в котором зафиксировано аналогичное соотношение гласных первого слога в марийских диалектах, это заимствование из пермских языков:

Л. šörmyč, *Г. sérmyc* ‘узда’. Таким образом, становится ясно, что мар. *Л. nõштыр*, *Г. пешы́р* ‘пестерь’ не является рефлексом финно-угорского слова, а было заимствовано, возможно, как раз из морд. *Е:Večk řeštor* ‘кошель’.

Таким образом, подробный анализ заимствований в русских и марийских диалектах не разрушает предложенную нами этимологию, а, наоборот, подтверждает ее, поскольку русские диалектные данные указывают на то, что в источнике досибирского слова *пестерь* было инлаутное сочетание *st, которое как раз и было реконструировано нами для праформы, из которой произошло морд. *Е:Večk řeštor* ‘кошель’. Семантический переход ‘липа, лещина’ > ‘кошель (который изготавливался из липы, *léngeń řešt’or* ‘Ranzen aus Lindenrinde’) представляется более чем вероятным. Что касается формальных соответствий, аналогичная рефлексация консонантного кластера в морд. и мар. языках представлена в ФП *täštä ‘Zeichen, Merkmal <~ Stern’ [UEW: 793] и некоторых других словах. Что касается развития вокализма, в морд. представлен единственно возможный рефлекс ФВ *e в ударной позиции, см. [Норманская 2008], а в марийском языке развитие ФВ *e > мар. *i* характерно для позиции перед мар. -š, ср. ФВ *wešnä ‘eine Art Getreide: Spelt, Dinkel, Weizen’, [UEW: 821].

3. (Претензия, собственно, не к «Тезаурусу», а к статье [Норманская 2009], результаты которой использованы в «Тезаурусе»)

По меньшей мере странно, что позицией для внутрипермских фонетических развитий служат не просто фонемы более древнего, чем прапермский, уровня, но фонемы, давшие в прапермском ноль. Создаётся впечатление, что автор просто не считает нужным различать уровни реконструкции.

Методологически обычным является различие двух уровней для праязыка: «протоуровня», на котором начались какие-то изменения, характеризовавшие этот язык в отличие от других праязыков его уровня, и «прауровня» — последнего этапа существования языка перед распадом. Как раз такая реконструкция представляется гораздо более близкой к реальной языковой ситуации. Ведь практически любой праязык, в том числе и прапермский, существовал ни одно десятилетие, и даже ни одно столетие. Реконструкция, в которой праязык предстает как статическая неизменяющаяся система, просто еще далека от совершенства.

В прапермской реконструкции, предложенной нами, речь также идет о двух уровнях. На протопермском уровне ПУ/ФУ/ФП **t* (> ПП **θ*), **ŋ* (> ПП **θ*), **k* (> ПП **θ*), **p* (> ПП **θ*) еще не перешли в *θ*, и как раз на этом уровне формировались две особые системы ПП фонем в палатализирующей и в непалатализирующей позициях, на следующем, прапермском, уровне эти фонемы уже выпали.

4. (Также по поводу статьи [Норманская 2009])

Вызывает удивление отсутствие в таблице таких бесспорных соответствий между коми и удмуртским, как коми *a* — удм. *a* (**a* по Лыткину [Лыткин 1964; КЭСК] и Саммаллахти [Sammallahti 1988]), коми *a* — удм. *u* (**ā* по Лыткину и Саммаллахти), коми *ε* — удм. *o* (**ō* по Лыткину и Саммаллахти), коми *ε* — удм. *ę* (**ǫ* по Лыткину, **ǭ* по Саммаллахти), коми *ε* — удм. *ǰ* (**ǭ* по Лыткину, **i* по Саммаллахти), коми *i* — удм. *i* (**i* по Лыткину, **ĩ* по Саммаллахти). Все эти соответствия безусловно встречаются и в «нейтральной позиции» в терминологии Норманской, например, коми *ar* ‘осень’ — удм. *ar* ‘год’, коми *radvež* ‘скрещение, пересечение’ — удм. *radvož* ‘перекрёсток’, коми *važ* ‘старый’ — удм. *vuž* ‘старый’, коми *ređlavņi* ‘закрывать’ — удм. *rođiņi* ‘прищемить, прижать; закрыть’, коми *tev* ‘зима’ — удм. *tol* ‘зима’, коми *šem* ‘чешуя’ — удм. *šem* ‘скорлупа, чешуя’, коми *tev* ‘ветер’ — удм. *teļ* ‘ветер’, коми *bež* ‘хвост’ — удм. *biž* ‘хвост’, коми *več* ‘лес’ — удм. *vič* ‘бугор, холм’, коми *ńim* ‘имя’ — удм. *ńim* ‘имя’, коми *šin* ‘глаз, глаза’ — удм. *šin* ‘глаз, глаза’. Подчеркнём, что перечисленные выше соответствия между коми и удмуртским в работе [Норманская 2009] не только никак не объяснены, не опровергнуты, но даже не упомянуты. Впечатление от подобного «нового взгляда на историю пермского вокализма» для уралолиста можно сравнить с реакцией индоевропеиста при виде работы, где автор полностью игнорирует противопоставление звонких и глухих придыхательных, да еще и обозначает древнеиндийскую аффрикату *j* и сонант *u* одинаково — как *j*. Понятно, что реакцией читателя будет только недоумение и он воспримет это либо как розыгрыш, либо как проявление полной некомпетентности исследователя, либо как работу студента, которому не объяснили, что новая гипотеза должна объяснить или опровергнуть факты, на которых основывались теории предшественников.

Для того, чтобы читателю была понятна несостоятельность вышеприведенной претензии, мы должны обратиться к целой серии работ Ю. В. Норманской, написанных об истории развития вокализма от прауральского языка к современным уральским языкам. Количество статей и тезисов, посвященных этой тематике, уже более 30. Здесь мы упомянем лишь основные работы. В первую очередь монографию [Норманская 2008], которая легла в основу диссертации Ю. В. Норманской на соискание ученой степени доктора филологических наук, успешно защищенной в 2009 году в Институте языкознания РАН, а также статьи [Норманская 2009, 2010], которые были написаны в рамках проекта РГНФ № 08-04-00201а «Реконструкция прафинно-волжской акцентной системы и типов основ» (рук. Ю. В. Норманская), и статьи [Норманская 2011 а, б], написанные в рамках проекта Президиума РАН «Селькупская акцентология» (рук. Ю. В. Норманская).

В этих публикациях были подробно сформулированы и решены следующие задачи:

1) реконструкция разноместного ударения для финно-волжского праязыка [Норманская 2008], для прапермского [Норманская 2009, 2010], для прахантыйского [Норманская 2011а], для прасамодийского [Норманская 2011б],

2) описание рефлексов праязыковых гласных в финно-волжских языках [Норманская 2008], в коми и удмуртском языках [Норманская 2009, 2010], в хантыйском языке [Норманская 2011a], в прасамодийском языке [Норманская 2011b] в зависимости от места праязыкового ударения.

Специально остановимся на решении задач второго типа, поскольку именно к ним на материале пермских языков адресовано недоумение рецензента. Очевидно, что М. А. Живлов неправильно понял задачи статьи [Норманская 2009] и других публикаций, написанных по этой проблематике. Мы нигде не ставили задачи полной реконструкции прапермского, прафинно-волжского, прасамодийского вокализма. Эти задачи еще предстоит решать. Нашей целью было проследить рефлексацию установленных предшествующими исследователями праязыковых гласных (ПУ/ФУ) в дочерних праязыках и в современных языках и выявить, зависит ли она от места праязыкового ударения. Именно этой целью и была обусловлена специфика выборки материала. При работе как с пермским материалом в [Норманская 2009, 2010], так и с финно-волжским [Норманская 2008], прахантыйским [Норманская 2011a], прасамодийским [Норманская 2011b] для анализа были выбраны слова, в которых ПУ/ФУ/ФП гласный не является долгим и реконструируется однозначно (то есть, у них есть рефлекс в прибалтийско-финских языках, в саамском или мордовских, в определенных позициях, где не происходило совпадения нескольких праязыковых гласных, см. подробнее об этих позициях в [Норманская 2008]). Этот критерий отбора материала был подробно разобран в [Норманская 2008] и упомянут в [Норманская 2009 (сноска 11), 2011a, b].

Этот методический прием позволил работать только с теми этимологиями, в которых четко восстанавливается ПУ/ФУ/ФП гласный. При привлечении полного материала этимологий [UEW] для многих из них установить точную реконструкцию праязыкового гласного первого слога невозможно, поэтому они не будут релевантны для решения задачи описания рефлексии ПУ/ФУ/ФП гласных в современных языках. Представляется, что для корней, не привлеченных нами к анализу, с большой долей вероятности и в дальнейшем не удастся однозначно реконструировать праязыковой гласный. Как было показано в [Норманская 2010, 2011a, b], в пермских и самодийских языках в безударной позиции гласные совпадали и переходили в **a*, **u*, **i*. А в прахантыйском языке все задние гласные и передние совпадали между собой соответственно, и потом их изменение шло под влиянием прахантыйского умлаута. Таким образом, последовательное описание генезиса системы вокализма в современных уральских языках показывает точность гипотезы Э. Итконена, который предполагал, что лишь в прибалтийско-финских языках сохранилась архаичная система вокализма. В связи с этим для анализа генезиса системы вокализма от прафинноугорского состояния в каждом конкретном уральском языке релевантными являются фактически (за редкими исключениями определенных позиций в саамском и мордовских языках) только те лексемы, которые имеют рефлекс в прибалтийско-финских языках.

Примеры, которые якобы опровергают таблицу в [Норманская 2009, 2010], не удовлетворяют критерию отбора материала, который использовался для решения задачи об изучении рефлексии ПУ/ФУ/ФП гласных:

1) коми *ar* ‘осень’ — удм. *ar* ‘год’ — отсутствуют финно-волжские формы (фин., саам., морд.), внешние соответствия вокализма неясны,

2) коми *padvež* ‘скрещение, пересечение’ — удм. *padvož* ‘перекрёсток’ — отсутствуют финно-волжские формы (фин., саам., морд.), внешние соответствия вокализма неясны,

3) коми *važ* ‘старый’ — удм. *viž* ‘старый’, пермские формы нестандартно соответствуют рефлексам ФП **wanša* в других языках, сам М. А. Живлов высказывал на конфе-

ренциях предположение о том, что в данном случае речь идет о заимствовании в пермские языки,

4) коми *peḏlavni* ‘закрывать’ — удм. *poḏiṅi* ‘прищемить, прижать; закрыть’ — отсутствуют финно-волжские формы (фин., саам., морд.), внешние соответствия вокализма неясны,

5) коми *tev* ‘зима’ — удм. *tol* ‘зима’. Слово не включено в рассмотрение, поскольку ПУ **tälwä* имеет нестандартные рефлексы вокализма в ФВ языках, и праязыковой гласный надежно не реконструируется,

6) коми *šet* ‘чешуя’ — удм. *šet* ‘скорлупа, чешуя’. Рефлексы долгих гласных в работе не рассматриваются, а для этого слова в [UEW] реконструируется **šeme* (**šöme*),

7) коми *tev* ‘ветер’ — удм. *təl* ‘ветер’ Рефлексы долгих гласных в работе не рассматриваются, а в фин. мы имеем *tuuli* (gen. *tuulen*) ‘Wind, Sturm, Brise’,

8) коми *bež* ‘хвост’ — удм. *biž* ‘хвост’ — отсутствуют финно-волжские формы (фин., саам., морд.), внешние соответствия вокализма неясны,

9) коми *veř* ‘лес’ — удм. *viř* ‘бугор, холм’ Рефлексы долгих гласных в работе не рассматриваются, а для этого слова в [UEW] реконструируется ПУ **were* (**wöre*),

10) коми *niṃ* ‘имя’ — удм. *niṃ*. Слово не включено в рассмотрение, поскольку **niṃe* имеет нестандартные рефлексы вокализма в ФВ языках, и праязыковой гласный надежно не реконструируется,

11) коми *šin* ‘глаз, глаза’ — удм. *šin* ‘глаз, глаза’. В этом слове представлено уникальное инлаутное сочетание согласных, которое переходит в палатальный согласный в мар., удм. и морд. языках. Предположительно, палатальный согласный в этом сочетании следует реконструировать и для ПУ языка.

В заключение этого краткого разбора отметим, что обоснование таблицы рефлексов прапермских гласных, которую критикует М. А. Живлов, не входило в круг задач авторов [Тезауруса]; таблица была дана в сноске в качестве пояснения со ссылкой на работу [Норманская 2010], где подробно разобраны цели, в рамках решения которых была создана эта таблица.

5. М. А. Живлов обратил внимание на некоторую неточность, которая, впрочем, не влияет на правильность выводов или этимологического сближения

1. На стр. 161 в рамках одной этимологии даны рефлексы трёх (!) не связанных друг с другом и существенно различающихся фонетически праселькупских слов: **soḡa* ‘Löffelente, Anas clypeata’ [Alatalo 2004: 368], **seṅkə* ‘Auerhahn (beide Geschlechter)’ [Alatalo 2004: 373] и **sāṅkoća* ‘Stockente’ [Alatalo 2004: 374].

Действительно, рефлексы ПСельк. **soḡa* ‘Löffelente, Anas clypeata’ [Alatalo 2004: 368] должны быть исключены из рассматриваемой этимологии. Но мы считаем, что ПСельк. **seṅkə* ‘глухарь’ [Alatalo 2004: 373] и ПСельк. **sāṅkoća* ‘селезень’ [Alatalo 2004: 374] могут быть объединены на праселькупском уровне. Соответствия по вокализму не дают оснований разводить эти формы и реконструировать в них разные праселькупские гласные первого слога. Если мы обратимся к анализу рефлексов этих слов, приведенных в [Alatalo 2004], то увидим, что они различаются только в кетских диалектах селькупского языка, но набор гласных в рефлексах этих слов в кетских формах столь разнообразен, что вряд ли может считаться решающим для разделения на две этимологии: в рефлексах ПСельк. **seṅkə* ‘глухарь’ по [Alatalo 2004: 373] в кетских диалектах в первом слоге пред-

ставлены гласные KUS, КМ *e*, КУМ *v*, КеМ, КеО *á*, в рефлексах ПСельк. **sāṅkośa* ‘селезень’ — КМ *ā*, КМФ *e*. Надо сказать, что Я. Алатало не описал правила рефлексации праселькупских гласных в отдельных диалектах. Если, допустим, мы предположим, что по [Alatalo 2004] архаичное различие ПСельк. **e*, **ā* сохраняется в кетских говорах, то на этой же странице словаря найдем примеры, противоречащие этой гипотезе: ПСельк. **s¹āṅka* ‘маленький палец’ [Alatalo 2004: 374] > КеМ *sēṅgaj*.

В 2011 году мы занимались обработкой селькупских архивов А. П. Дульзона, на основании которых был сделан словарь [Быконя 2005], поэтому можем теперь по неизданным архивным данным уточнить (с точки зрения конкретных населенных пунктов) и дополнить список форм для этого слова, приведенный в [Быконя 2005] и цитируемый в [Тезаурусе]: сельк. таз. *seṅki* ‘глухарь’, кет. *сэңгэ̄ ~ сэңг ~ сэңгэ̄* ‘глухарь’ [Быконя 2005: 222], об.с. *сагга ~ саггэ̄* ‘глухарь’ [Быконя 2005: 205]; кет. *сэңгоде̄ ~ сэңгози*, об.с. *сэңкозя* ‘селезень’ [Быконя 2005: 222], об.с. (Иван.) *сакóдз’е* ‘селезень’, об.ч. (Чиж.) *’акóд’е* ‘селезень’, (Варг.) *акóд’е* ‘селезень’ [Архив А. П. Дульзона]. Итак, мы видим, что по материалам архива А. П. Дульзона, рефлекс гласных в названиях селезня и глухаря в южных и центральных селькупских диалектах (кет., об. с.), в которых сохранились рефлекс обоих названий, полностью совпадают.

Многозначность ‘глухарь, утка’ представляется возможной, потому что она реально представлена и в другой этимологии:

ФУ **lunta* ‘водоплавающая птица, дикий гусь’ [UEW: 254]⁶: ПСаам **lontē* [Lehtiranta: 601]: Not *lot̄t* ‘птица, глухарь’; мар. К *lâdâ*, U *ludâ*, В *ludo* ‘утка, водоплавающая птица’ [Мар. словарь, 3: 412].

2. Ненец. Т нир ‘весенний затвердевший снег на поверхности льда’ возводится к ПС **nirə*, хотя такая форма дала бы ненец. ныр (стр. 73).

В реконструкции ПС формы, действительно, имеет место опечатка, но само предлагаемое сравнение коми вс., скр., сс. *pariž* ‘шуга, тонкий мелкий лед’ [Лыткин, Гуляев 1970: 186] и ненец. Т *nir* ‘весенний затвердевший снег на поверхности льда’ [Терещенко 1965: 314] остается корректным, хотя, как и было отмечено в «Тезаурусе», ненадежным, поскольку рефлекс слова сохранились лишь в двух языках.

3. По поводу выведения фин. *kontio* ‘медведь’, удм. *gondj̄r* ‘медведь’ и коми *gundj̄r* ‘многоголовое чудовище, гидра, дракон, змей’ из гипотетического ПУ **konte* автор пишет: «[в] этой этимологии стандартное соответствие фонетических рефлексов во всех языках» (стр. 130). Автору, очевидно, осталось неизвестным, что **nt-* регулярно упрощается в пермских языках в *d*.

Действительно, замечание, касающееся развития **nt* в пермских языках, справедливо. Но сравнение, предложенное в «Тезаурусе», все же возможно, если реконструировать так:

ПУ **konV-* ‘медведь’ > фин. *kontata* ‘ползать, тащиться, переваливаться’, *kontio* ‘медведь’ [SSA I: 398]; коми вс., лет. *gundj̄r*, *gundj̄l*, сс., скр., уд. *gundj̄r*, вв., печ. *gundj̄rli*, нв., иж. *gundj̄r* ‘многоголовое чудовище, гидра, дракон, змей’, вым. *gundj̄r* ‘рыбка с широкой головой и острым хвостом (суеверные люди считают ее поганой и боятся ее)’ [Лыткин, Гуляев 1970: 82]; удм. G, M, J, MU, U *gondj̄r* ‘медведь’ [Соколов, Туганаев 1994: 10]; кам. *ḳ’ōnā* ‘медведь’ [Donner 1944: 32].

⁶ Полный список рефлексов этой этимологии см в [UEW], [Тезаурусе].

Глагол в финском языке является образованием с одним из наиболее употребительных отыменных глагольных суффиксов *-ta-* [Хакулинен 1953: 274]. В [SSA I: 398] указывается, что фин. *kontio* ‘медведь’ образовано от глагольной основы *kont-* (*kontia*, *kontata*). По [Хакулинен 1953: 180] *-io* — сложный отглагольный суффикс имен.

В пермских языках также представлен отыменной суффикс *-dir* (коми *veža* ‘священный, святой, освященный’; *veža-dir* ‘святки’, удм. *vožo-dir* ‘святки’ [Лыткин, Гуляев 1970: 50]).

4. На стр. 85 мы находим реконструированное автором книги ПУ **k(u)d(u)rV* ‘гром’. Символ **d* в уральстике иногда используется вместо более традиционного **δ* (см., напр., [Janhunen 1981], [Sammallahti 1988]). Однако, судя по рефлексам (удм. *d*, кам. *d*), здесь под ПУ **d* имеется в виду что-то другое (ПУ **δ* дало бы удм. *θ* или *l*, кам. *r*). Остаётся предположить, что автор открыл какую-то новую прауральскую фонему, неизвестную ни Янхунену, ни Саммаллахти и сам того не заметил.

Реконструкция в этом слове ПУ **kVdVrV* ‘гром’ [Лыткин, Гуляев 1970: 82]: мар. *M küdyrtáš* ‘гремять (о громе)’, *B kädértáš* ‘гремять (о громе)’; коми *gudir* ‘муть, осадок, отстой, пасмурный (о погоде)’; удм. *G, J gudiri*; *M gudiri* ‘гром’; кам. *guduur ~ guduur* ‘гром’ [Donner 1944: 20], действительно, приведена не совсем корректно, поскольку в нотации авторов [UEW], которой мы старались придерживаться, нет особой фонемы **d*. Но в данном случае речь идет как раз об особой рефлексации, которая была подробно описана еще Б. Коллиндером [Collinder 1960], когда в нескольких уральских языках друг другу соответствуют инлаутные звонкие согласные. Возможно, что для таких случаев в прауральскую фонологическую систему следует ввести звонкие фонемы. Этот вопрос также более пятидесяти лет назад был поднят Б. Коллиндером. Но поскольку примеров таких соответствий немного, вопрос так и остается открытым. Настоящая этимология представляет собой пример еще одного подобного соответствия, но поскольку она, возможно, имеет звукоподражательный характер, то не казалась настолько релевантной для дискуссии о реконструкции звонких согласных в прауральском языке, чтобы посвящать этому вопросу в «Тезаурусе» отдельный разбор.

Рецензия содержит еще ряд замечаний технического характера. В нескольких местах М. А. Живлов обратил внимание на то, что знак палатализации поставлен другим способом, чем обычно. Менее чем в десяти случаях, при верстке книги в издательстве исчезли диакритические пометы (учитывая огромный объем специальных помет, использованных в монографии, это число представляется весьма незначительным). М. А. Живлов указывает на то, что в четырех случаях цитаты из работ А. Е. Аникина и Е. А. Хелимского даны без кавычек. Но речь, конечно, не может идти о плагиате, поскольку в этих случаях всегда указывалась книга с точной отсылкой на страницу, откуда была взята цитата. Следует отметить, что А. Е. Аникин, будучи рецензентом книги, не считал такой способ цитирования его работ в чем-то предосудительным, наоборот, в частной переписке до издания «Тезауруса» указал нам еще несколько этимологических предложений в его монографиях, которые следовало учесть. В нескольких случаях, когда в «Тезаурусе» было указано, что у слова в каком-либо языке определенная морфема является суффиксом, были приведены неудачные примеры для демонстрации этого суффикса в других лексемах. Во всех этих случаях, впрочем, суффиксы, постулируемые нами, существуют. М. А. Живлов критикует также способ подачи финских работ в списке литературы, где дан перевод их названий на немецкий язык. Этот способ является международным и общепринятым в библиотеках и каталогах Финляндии, поэтому он показался нам более корректным, чем самостоятельный перевод названий на русский язык.

Таким образом, мы видим, что из 30 замечаний, приведенных М. А. Живловым, около половины — просто неверны, другие касаются технических неточностей, в нескольких случаях гипотезы авторов «Тезауруса» и М. А. Живлова представляются равновероятными, и **лишь в пяти случаях его замечания справедливы** и меняют этимологию рассматриваемых слов: саам. *I kaaijuv* ‘чайка’, манс. *N atér*, LM, LU, P, K *ātér*, K *ātir* ‘жаркая, ясная погода, небо’, энец. *kodi?* ‘иной’, удм. *puas* ‘белка-летяга’, ПСельк. **soqa* ‘Löffelente, *Anas cyreata*’. Яркий контраст составляет количество таких замечаний с полным объемом материала, проанализированного в [Тезаурус] (294 этимологии и, как видно из указателя в конце книги, почти **две тысячи лексем** из современных уральских языков).

Подводя итоги анализа рецензии М. А. Живлова на «Тезаурус», можно попытаться сформулировать вопросы, возникающие при попытке объективной оценки этимологических работ. Конечно, оценка этимологических словарей в рецензиях обычно базируется на субъективных критериях и во многом зависит от личностных установок авторов. В таком духе, например, была написана (если не считать значительно большей академичности тона у М. А. Живлова) рецензия А. В. Вовина на Этимологический словарь алтайских языков [Vovin 2005], ответ на которую опубликован в [Starostin, Dybo 2008]. Она содержит большое (но все равно несравнимое с общим объемом критикуемого словаря) количество обвинений в неточностях цитирования и ошибочной интерпретации материала; в частности, автор пытается разрушить около 25 этимологий EDAL и на этом основании делает глобальные выводы о полной бесполезности и даже вредности EDAL для обоснования родства алтайских языков. На самом деле из этих обвинений бóльшая часть несправедлива, поскольку основана не на фактах, а на когда-то сложившихся у А. В. Вовина при беглом просмотре соответствующего материала интерпретациях, которые он не удосужился проверить при написании рецензии, а несколько действительно замеченных неточностей, хотя и полезны для последующего редактирования словаря (5 ошибок в цитировании форм, из которых лишь одна ведет к изменению этимологии в одной из алтайских ветвей; около 12 неточных английских переводов значений отдельных форм, не ведущих к изменению этимологий), все же не опровергают основных выводов авторов, сделанных на материале, в порядка раз превышающем количество ошибок (около 2000 реконструированных корней), неизбежных при составлении больших этимологических словарей. В ответе на рецензию А. В. Вовина [Dybo, Starostin 2008] справедливо замечено: «It should also be added that one sign of a truly objective review is when the reviewer in question is able to concentrate not only on what he perceives as negative sides of the work, but positive ones as well».

Аналогичным образом можно оценить некоторые рецензии, появившиеся в свое время по поводу «Опыта сравнения ностратических языков» В. М. Иллич-Свитыча, работы, где впервые реконструкция, базирующаяся на строгом анализе системы соответствий, дошла до временной глубины XII тыс. до н. э. (прежде всего [Серебренников 1982], [Щербак 1984]). По их поводу В. А. Дыбо отметил: «От научно корректной критики требуется, как минимум, четкое различие строго установленных фактов и отношений между ними, с одной стороны, и отношений между гипотезами (т. е., более или менее аргументированными мнениями, догадками, соображениями того или иного исследователя по поводу этих фактов и отношений) — с другой» [Дыбо 1984: 7]). Так, в [Щербак 1984] приводится около 10 замечаний к отдельным вхождениям этимологий и на основании этого делается вывод: «Научная несостоятельность попытки В. М. Иллич-Свитыча создать сравнительную грамматику индоевропейских языков очевидна» (с. 40). В действительности ни одна из претензий не разрушает ни одну из этимологий В. М. Иллич-

Свитыча, поскольку «ошибки», выявленные в них, являются таковыми лишь с точки зрения методологических воззрений автора рецензии, далеких от сравнительно-исторических. В [Серебренников 1982] оспариваются около 20 этимологий, в первую очередь на основании постулирования для них «звукоподражательности», во вторую — оценивая соответствия, открытые В. М. Иллич-Свитычем как маловероятные фонетически, с выводом: «Генетическое родство так называемых ностратических языков убедительно не доказано».

С другой стороны, можно вспомнить рецензии на [UEW] и [Alatalo 2004], начатые незадолго до смерти Е. А. Хелимским, но являющиеся продолжением всей его исследовательской работы по этимологии уральских языков, это [Helimski 2007a, b]. В каждой из этих рецензий отмечено несколько сотен (!) неточностей, ошибок, допущенных авторами словарей, но при этом в начале каждой рецензии указывается чрезвычайная важность [UEW] и [Alatalo 2004] для развития сравнительно-исторической уралистики.

Чья же оценка является более обоснованной: А. В. Вовина, А. М. Щербака, М. А. Живлова, которые нашли немного настоящих ошибок, но сделали заключение о низком качестве и невозможности использования рецензируемых словарей, или Е. А. Хелимского, который нашел огромное количество неточностей и неверных этимологических сближений, но считал словари, с авторами которых он ведет полемику, важными и нужными?

Кажется, что ради прекращения поспешных и во многом необоснованных оценок качества этимологических работ назрела необходимость ввести алгоритм разбора словарей, который позволит, во-первых, оценивать их последовательно в рамках единой концепции и только после предварительного анализа полного материала работы, во-вторых, обяжет авторов рецензий эксплицитно приводить все замечания к рецензируемой работе, в-третьих, поможет авторам будущих словарей реально оценивать качество других этимологических работ и приводить свои работы в соответствие с этой оценкой, иметь объективную картину степени аккуратности и точности этимологических предложений в словарях не только языковой семьи, в которой они специализируются, но и других семей.

Можно предложить следующий алгоритм, который, вероятно, будет уточняться в процессе его применения:

1. Если автор конкретного этимологического словаря⁷ работал в рамках уже принятой фонетической реконструкции, то следует сравнить его работу с предыдущими словарями, сделанными в рамках той же концепции, в которых приводятся этимологии того же праязыкового уровня (в случае уральских, например, это, в первую очередь, [UEW], [SSA], [Лыткин, Гуляев 1970], [DEWOs]) по следующим параметрам:

1) количество опечаток и ошибочных переводов в процентном соотношении с полным списком привлекаемых словоформ;

2) количество нарушений существующей системы соответствий (т. е. предложение уникального соответствия или неуникального, но не подчиняющегося уже известному распределению) в процентном отношении к числу новых этимологических предложений авторов словаря;

3) количество «семантических нарушений», т. е. предположений о недопустимых переходах (за критерий допустимости семантического перехода мы бы предложили для начала взять соответствие положениям Ю. Д. Апресяна, выдвинутому для различения синхронной многозначности и омонимии [Апресян 1995: 184]), в процентном отношении к числу новых этимологических предложений авторов словаря;

⁷ Конечно, этот алгоритм без существенных модификаций может быть применен не только к полному этимологическому словарю, но и к этимологической словарной работе любого объема.

4) количество нарушений с точки зрения словообразования в праязыках и в современных языках (такие случаи, когда для праязыка или современного языка постулируются уникальные суффиксы, или, наоборот, автор возводит современную форму к основе праоснове, хотя эта форма легко интерпретируется как образованная по стандартным правилам от основы, уже имеющей другую этимологию).

II. Если автор предлагает свою систему соответствий или существенные модификации принятой системы соответствий⁸:

1) во-первых, следует сравнить его систему соответствий с другими системами аналогичной глубины, то есть, например, прауральскую с системами соответствий в семьях, которые по глоттохронологической датировке распались примерно в то же время: индоевропейской, алтайской и под., по следующим параметрам:

а) по количеству случаев, когда два и более возможных рефлекса одной праязыковой фонемы даются без указания на распределение этих рефлексов в языке-потомке; при этом в этом пункте следует учитывать только те случаи, когда сам автор словаря указал на неоднозначную рефлексацию;

б) по количеству исключений в словаре из системы соответствий, указанной автором;

2) в дальнейшем следует провести оценку словаря в рамках предложенной автором системы соответствий по правилам пункта I.

Таким образом, для таких работ, как [Тезаурус], [EDAL], [UEW], оценка должна быть сформулирована по семи пунктам [I.1—4, II.1—3] после полного разбора всех этимологий словаря и с перечнем всех неточностей, выявленных рецензентом в рамках каждого из пунктов, для того, чтобы была возможность дальнейшей научной дискуссии и выявления справедливых и некорректных замечаний.

Представляется, что только после описанной работы рецензент может дать обоснованную оценку тому или иному словарю. Дальнейший анализ существующих этимологических работ кажется нам крайне важным, поскольку он позволит, во-первых, выявить полные списки ошибок в словарях, что бесспорно будет способствовать уточнению пралексиконов, а, во-вторых, покажет, какой уровень точности принят в сравнительно-историческом языкознании той или иной языковой семьи, и какие системы соответствий требуют уточнения в первую очередь. Авторам будущих этимологических работ такой анализ поможет четко осознать необходимый уровень точности, то есть тот, который присутствует в большинстве общепринятых словарей.

Насколько нам известно, мы формулируем здесь такой алгоритм впервые. Представляется, что анализ существующих работ продемонстрирует много нового о качестве существующих реконструкций. Мы планируем в ближайшее время опубликовать результаты применения этого алгоритма к этимологическим словарям ностратических языков [Pokorny], [EDAL], [UEW] и ряду других.

Мы были бы благодарны М. А. Живлову, если бы он нашел время и возможность обработать в рамках этого алгоритма все этимологии «Тезауруса», тогда мы получим объективную оценку этой работы, и можно будет определить ее место в ряду других этимологических словарей. Пока разбор замечаний рецензии [Живлов 2010] к «Тезаурусу» в сравнении с замечаниями Е. А. Хелимского к [UEW] и [Alatalo 2004] показывает, что по всем пунктам предложенного алгоритма процент ошибок в [Тезаурусе] значительно ниже, чем в этих словарях.

⁸ Отдельно согласно этому алгоритму должны описываться те словари, авторы которых не приводят систем соответствий, и для них для проведения оценки фактически работу по установлению систем соответствий должен проделать рецензент.

*К вопросу о критериях оценки этимологических работ
(ответ А. В. Дыбо и Ю. В. Норманской)*

Пространственный ответ на нашу рецензию из предыдущего номера «Вопросов языкового родства» ([Живлов 2011]) подписан, как и рассматриваемая книга, двумя фамилиями — А. В. Дыбо и Ю. В. Норманской. Между тем, если порядок имен на титуле рецензируемой книги [Норманская, Дыбо 2010] соответствовал реальному вкладу авторов в текст монографии, то ответ на нашу рецензию идет за авторством «А. В. Дыбо, Ю. В. Норманская». На сей раз фамилии помещены в порядке алфавита и научного ранга — сначала член-корреспондент РАН на букву «д», потом — доктор наук на букву «н». Вообще вопросу положения в науке авторов книги — прежде всего Ю. В. Норманской — в ответе уделено излишне большое внимание: неоднократно подчеркивается внушительное количество публикаций, выпущенных ранее Норманской, бегло пересказывается их содержание и т. п. Нам представляется, что, как и в книге, большая часть ответа (если не весь он целиком) принадлежит Ю. В. Норманской. Тем не менее, опубликованный выше текст подписан двумя авторами, что заставляет нас отнести все приведенные ниже возражения к А. В. Дыбо и Ю. В. Норманской (далее: Д&Н) в равной степени.

Заголовок ответа — «К методике сравнения этимологических работ» — приглашает к серьезной дискуссии, выходящей за рамки оценки собственно «Тезауруса» как этимологической и вообще научной работы. Мы постараемся оппонировать содержательным замечаниям авторов «Тезауруса» и одновременно высказать нашу точку зрения на методику оценки этимологических работ вообще, показав, какое, по нашему мнению, место занимает среди них «Тезаурус».

Д&Н утверждают:

Работа над книгой велась в соответствии с общими принципами Московской школы компаративистики <...> Это прежде всего следование принципам строгости фонетических соответствий, выработанным классической компаративистикой; четкое понимание необходимости «поэтапной реконструкции» и связанное с ним понимание того, что реконструкция более содержательна и более информативна, чем отдельный языковой факт <...> К сожалению, в рецензии об этом не сказано ни слова.

В самом деле, в рецензии ничего не сказано о том, что «Тезаурус» следует принципам поэтапной реконструкции, потому что есть все основания утверждать, что он им не следует. Единственный «промежуточный» уровень реконструкции, для которого в «Тезаурусе» последовательно приводятся праформы — прасаамский. Прасаамские формы даются только для слов, имеющих в словаре [Lehtiranta 1989], и то не всегда. Прапермские и праобско-угорские формы восстанавливаются, как правило, только если невозможно восстановить праформы более «высокого» уровня из-за отсутствия этимонов в других подгруппах уральских языков. Игнорирование «промежуточных» уровней реконструкции резко отличает «Тезаурус» от таких работ представителей Московской школы компаративистики, как [NCED] и [EDAL]. Еще одно отличие от этих работ — отсутствие эксплицитно сформулированной системы фонетических соответствий, на которых основана реконструкция — сводит на нет требование «строгости фонетических соответствий»: если о самих соответствиях читателю приходится лишь догадываться, то как можно оценить их «строгость»?

1.1. Д&Н пишут:

Ни Л. Хонти, ни М.А. Живлов не указывают, в каких случаях ПМанс. **ï* [Honti 1982] / **ii* [Живлов 2006] переходит в северномансийское *o*.

Наши оппоненты, возможно, вследствие невнимательности, вводят читателей в заблуждение. В работе [Живлов 2006] на стр. 9 указано, что ПМанс. **ii* в северномансийском переходит в *a*, за исключением позиции после *k*, в которой **ii* переходит в *o*, и позиции между лабиальным и велярным, в которой **ii* дает *i* или *o*. Для того, чтобы проверить, работают ли приведенные выше правила, рассмотрим все северномансийские слова, для которых в работе [Honti 1982] однозначно восстанавливается ПМанс. **ï*. Ниже мансийские данные приводятся в следующем порядке: ПМанс. — прамансийская реконструкция по [Honti 1982], Munk. — северномансийская форма в записи Мункачи 1888 года (по [Munkácsi & Kálmán 1986]), Kann. — северномансийская (сосвин-

ская) форма в записи Каннисто 1905 года (по [Honti 1982]), Kálm. — современная северномансийская форма в записи Кальмана (по [Munkácsi & Kálmán 1986]). Значения приводятся по [Munkácsi & Kálmán 1986]. Поясним, что в записи Мункачи *a* и *ä* передают северномансийскую фонему /a/.

Регулярные примеры:

- 1) ПМанс. **süŋk* > Munk. *sänkw* ~ *šankw* ~ *sakw*, Kann. *saŋk*, 'Hügel, Rundung' [Honti 1982: №81, Munkácsi & Kálmán 1986: 528];
- 2) ПМанс. **tükäs* > Munk. *takwäs*, Kann. *tak*, Kálm. *takwäs* 'Herbst' [Honti 1982: №133, Munkácsi & Kálmán 1986: 619];
- 3) ПМанс. **küš-* > Munk. *kwossi*, Kann. *kos-*, Kálm. *kosi* 'glühen, brennen; schmerzen' [Honti 1982: №219, Munkácsi & Kálmán 1986: 241];
- 4) ПМанс. **küšäm* > Munk. *kwossäm* ~ *kwosäm* ~ *kwosm*, Kann. *kosäm*, Kálm. *kossäm* 'Korb, Schachtel, Faß, Bütte (aus Birkenrinde, für Speisen)' [Honti 1982: №223, Munkácsi & Kálmán 1986: 241];
- 5) ПМанс. **küjap* > Munk. *kwojp* ~ *kojp*, Kann. *kojip*, Kálm. *kojp* 'Zaubertrommel des Schamanen' [Honti 1982: №234, Munkácsi & Kálmán 1986: 233];
- 6) ПМанс. **kün* > Munk. *kwon*, Kann. *kon*, Kálm. *kon* 'heraus; hinaus, draußen, außerhalb (adv.); hinaus-, heraus-, aus-, ab-, weg-, zer-, ver-(prae-fix.)' [Honti 1982: №275, Munkácsi & Kálmán 1986: 237];
- 7) ПМанс. **künyal* > Munk. *kwonl-äul*, Kann. *konläl*, Kálm. *konläl* 'Ellenbogen' [Honti 1982: №281, Munkácsi & Kálmán 1986: 239];
- 8) ПМанс. **künš* > Munk. *kwons* (*kwoss*), Kann. *kos*, Kálm. *kos* 'Nagel; Klaue; eine Handvoll' [Honti 1982: №287, Munkácsi & Kálmán 1986: 239];
- 9) ПМанс. **küt* > Munk. *kwot*, Kann. *kot*, Kálm. *kot* 'Fell von Rentierbeinen' [Honti 1982: №303, Munkácsi & Kálmán 1986: 242];
- 10) ПМанс. **kütäl* > Munk. *kwotäl* ~ *kwotl*, Kann. *koíl*, Kálm. *koíl* 'Mitte; mittel' [Honti 1982: №337, Munkácsi & Kálmán 1986: 243];
- 11) ПМанс. **lük-* > Munk. *lakwi*, Kann. *lak-*, Kálm. *lakwi* 'ankommen, schreiten, schleichen, sich bewegen, aufladen, springen, dringen, sich schleichen, sich hinarbeiten, sich verstecken, gelangen, klettern, tragen, verschoben werden, fortgehen' [Honti 1982: №353, Munkácsi & Kálmán 1986: 247];
- 12) ПМанс. **lük* > Munk. *lakw* ~ *läkw*, Kann. *lak*, Kálm. *lakw* 'dicht' [Honti 1982: №373, Munkácsi & Kálmán 1986: 280];
- 13) ПМанс. **püküi* > Munk. *puküi* ~ *puçi* ~ *piküi*, Kann. *puküi*, Kálm. *puküi* 'Nabel' [Honti 1982: №496, Munkácsi & Kálmán 1986: 472];
- 14) ПМанс. **pük* > Munk. *puki*, Kann. *puki*, Kálm. *puki* 'Wanst, Bauch; Wölbung' [Honti 1982: №500, Munkácsi & Kálmán 1986: 472];
- 15) ПМанс. **rüyt-* > Munk. *rauti* ~ *rawti* (~ *räwti*), Kann. *rawt-*, Kálm. *rawti* 'drehen, umwenden, umwälzen; umrühren, mischen, kneten; graben, auswerfen; gießen; streuen, säen (Korn); quatschen, schwätzen' [Honti 1982: №558, Munkácsi & Kálmán 1986: 496];
- 16) ПМанс. **süly-* > Munk. *salüi*, Kann. *salü-*, Kálm. *salüi* 'spucken' [Honti 1982: №564, Munkácsi & Kálmán 1986: 520];
- 17) ПМанс. **tüŋk* > Munk. *taŋkw* ~ *tänkw*, Kann. *taŋk*, 'trockene Alge, trockenes Gras zum Feuermachen' [Honti 1982: №641, Munkácsi & Kálmán 1986: 626].

Исключение: ПМанс. **küräy-* > Munk. *kürüi* ~ *kürüi* ~ *kürüi*, Kann. *kürü-*, Kálm. *kürüi* 'brüllen, grunzen, knurren, brummen' [Honti 1982: №322, Munkácsi & Kálmán 1986: 224].

Из приведенного материала можно сделать следующие выводы:

- 1) утверждение Д&Н, что

существует ряд исконных северномансийских слов с *ko-* в анлауте, но на настоящем этапе развития мансийской реконструкции вокализма нет правил, которые бы описывали условия появления *o* в первом слоге этих слов,

ошибочно.

- 2) Из 18 рассмотренных примеров только два (ПМанс. **tüŋk* > Munk. *taŋkw* ~ *tänkw* и ПМанс. **küräy-* > Munk. *kürüi* ~ *kürüi* ~ *kürüi*) демонстрируют в записи Мункачи варьирование между долготным и краткостным рефлексом, и ни один пример не демонстрирует стабильного долготного рефлекса. Этот факт опровергает утверждение наших оппонентов о нерелевантности северномансийской долготы в записи Мункачи для прамансийской реконструкции.
- 3) Слова, начинавшиеся в прамансийском на **kü-*, как правило, начинаются на *kwo-* в записи Мункачи и на *ko-* в более поздних записях Каннисто и Кальмана.

В свете сказанного выше реконструкция ПМанс. **küim* для сохранившегося только в записи Мункачи северномансийского *kōm* 'lazac, семга / Lachs' не выглядит правдоподобной.

1.2. На наше утверждение, что считать хантыйское название ястреба исконным мешают нерегулярные соответствия между хантыйскими диалектами/языками (V Vj. Trj. J DN *s* — KoP Ni. Kaz. Sy. *š*, V Vj. Trj. J DN KoP *ä* — Ni. Kaz. Sy. *ɔ* — O *a*), Д&Н возражают, что в исконной хантыйской лексике «есть ряд примеров аналогичных соотношений». Приводимые Д&Н примеры действительно содержат «аналогичные», но не тождественные соответствия: V Vj. *ä* — Trj. J *á* — DN KoP *o* — Ni. Kaz. Sy. *ɔ* — O *a* в первом примере [DEWOS: 143] и Vj. Trj. *ä* — KoP *o* — Ni. *ɔ* — Kaz. *õ* во втором [DEWOS: 532]. Тем не менее, мы готовы согласиться, что сами по себе соответствия гласных не могут быть здесь решающим аргументом. Таковым аргументом, однако, являются, на наш взгляд, соответствия согласных, по отношению к которым утверждение Д&Н, что «[к]оличество примеров такого соотношения рефлексов по диалектам легко увеличить» ошибочно. В самом деле, не считая двух приведенных Д&Н примеров, в работе [Honti 1982] имеется 66 хантыйских реконструкций с прахантыйской фонемой *č. Во всех этих словах рефлексы *č регулярны¹: V Vj. Trj. J č — DN KoP č/š — Ni. Kaz. Sy. š — O *s*.

Как же объясняются приведенные Д&Н исключения? Глагол ‘schreiten’ Хонти восстанавливает как ПХант. *sčč- [Honti 1982: 181]. В этой реконструкции имплицитно содержится предположение об ассимиляции *s_č > *č_č в западнохантыйском. Такая ассимиляция вполне может быть регулярной, т. к. других общехантыйских этимологий с консонантной структурой *s_č нет. Что до второго исключения, то оно кажущееся, т. к. форма DN *jěs-‘ritzen’* у Хонти [Honti 1982: 140] представляет собой опечатку вместо *jěš-*. В этом легко убедиться, обратившись к использованному Хонти первоисточнику — словарю К. Ф. Карьялайнена. Интересующий нас глагол выглядит там как *jäšjätä* (DN) ‘piirtää, vetää piirto | ritzen, einen strich ziehen’; *jäpžem* (pret.) [KT: 194].

В то же время нерегулярное соответствие согласных, почти идентичное соответствию в названии ястреба, имеется в таком бесспорном заимствовании из коми, как V VK Likr. Mj. Trj. *tus*, J *tuš*, Irt (DN Fil. KoP Kr. Sog. Ts.) *tüš*, Ni. Š Kaz. Sy. *tüš*, O *tus* ‘борода, Bart’ [DEWOS: 1483—1484] (< коми *toš* ‘борода’).

1.3. Невозможно не заметить, что все приведенные здесь Д&Н примеры, кроме ФУ **molV* (**mulV*),

содержат в праформе палатальный согласный **ć* или **ń*, позволяющий считать нерегулярный *l* в коми результатом ассимиляции. По странной случайности, приведенная со ссылкой на [UEW] праформа **molV* (**mulV*) взята не из [UEW], где вместо нее мы видим реконструкцию **molz* (**modz*) [UEW: 279]. Видимо, эта форма реконструирована самими Д&Н, причем основания для реконструкции **l* при регулярных рефлексах палатального во всех дочерних языках остаются неясными.

1.4. Чтобы читатели могли оценить степень регулярности сохранения инлаутного **w-* в саамском, приведем несколько цифр. Всего в [UEW] имеется 44 этимологии, содержащие в праформе инлаутное **w-* и имеющие рефлекс в саамском. В 39 из них рефлекс **w-* сохраняется во всех дочерних формах. В одном случае (ПУ **kälz-wz* ‘Schwägerin’ [UEW: 135—136] > ПСаам. **käl~j(-ēnnē)* [Lehtiranta 1989: 44—45]) мы имеем дело с закономерным переходом **Vw* > ПСаам. **v̄* в непервом слоге. Еще в одном примере (ФУ **luwe* ‘Ost(en); ? Süd(en)’ > северносаам. *lulle -l-* ‘south(-), southern’, *luk’sâ* ‘towards the south, southward’ [UEW: 255]) **uw* переходит в **uu*, регулярно дающее ПСаам. **u* (см. [Aikio 2000: 614], где разбирается еще одна этимология с таким развитием, незаслуженно отвергнутая в [UEW]). В оставшихся трех случаях имеются формы с регулярными рефлексами **w-*, но наряду с ними в [UEW] приводятся этимологические дубликеты, в которых **w-* выпало. Рассмотрим эти примеры.

- 1) ПУ **kewe* ‘Weibchen eines Tieres’ — наряду с регулярными рефлексами (кильдинск. *kievov^(a)* ‘wilde Rentierkuh’ etc.) приводится S *kiäka* ‘rangifer foemina’ из словаря XVIII века, не сохранившееся в современном языке [UEW: 152].
- 2) ПУ **päwe* ‘warm; warm sein’ > северносаам. *bivvâ -v-* ‘keep warm (not feel the cold)’ с регулярным сохранением рефлекса **w-* и северносаам. *bik^lte- -vt-* ‘warm (clothes)’ с выпадением этого рефлекса [UEW: 366—367].
- 3) ПУ **šuwe* ‘Mund, Maul’ > Wfs. *t’šuwwe* ‘Rachen, Speiseröhre’ [UEW 492—493] и ПСаам. **contęk* ‘горло’ [Lehtiranta 1989: 26—27]. Последняя форма, возможно, должна быть выделена в отдельную этимологию с манс. K *sunt*, LU *sât* (*sânt-*), LM *sut* (*sunt-*), N *sunt* ‘Mündung (eines Flusses); Öffnung (eines Gefäßes)’ и вообще не сравниваться с **šuwe*.

Очевидно, что двух оставшихся примеров (которые также могут оказаться ошибочными сравне-

¹ В одном случае *č дает позиционно обусловленный рефлекс Ni. Kaz. O *t* перед *l* [Honti 1982: 177].

ниями) недостаточно для того, чтобы подвергать сомнению регулярность сохранения инлаутного *-w- в саамском. Неудивительно, что о возможности выпадения *-w- ничего не говорится ни в [Collinder 1960], ни в [Sammallahti 1998].

2.1. Д&Н пишут:

ПУ *kora- — это реконструкция [UEW], она предложена не нами.

Тем не менее в «Тезаурусе» [Норманская, Дыбо 2010: 151] эта реконструкция подана как отличная от реконструкции UEW:

ПУ *kora- ‘самка глухаря, куропатка’ (UEW: ФУ *kora-lal’l’a (-orra-)) [UEW: 181].²

В тексте комментария действительно говорится:

На основании сравнения фин., саам. и мар. следует реконструировать ФВ *koppa-lal’l’a.

Однако дальше авторы «Тезауруса» предлагают привлечь к сравнению коми kōn-, удм. ken- (эти слова не могут восходить к праформе с геминатой) и продолжают ([Норманская, Дыбо 2010: 152]):

Если предположить, что -l- в саамских и марийских формах является суффиксом, а финские формы заимствованы из саамского, тогда можно реконструировать праформу ФП *kora, которая является этимологом мордовского и пермских слов.

Из этой цитаты видно, что авторы «Тезауруса» не видели фонетических препятствий для выведения мордовского и саамского слов из праформы *kora-.

2.2. Слова Д&Н «на материале корпуса [UEW] есть лишь еще одно аналогичное инлаутное соответствие» показывают, что они просто не поняли сказанного нами в рецензии: в слове ‘лошадь’ предполагается соответствие ФВ *-p- — ПУг. *-w-, в слове ‘кислый’ — соответствие ФВ *-pp- — ПУг. *-w-; это разные соответствия; они оба уникальны, следовательно, обе этимологии должны быть отвергнуты.

3.1. В «Тезаурусе» утверждается:

[п]о словарю [Salminen 1998], -er” в ненецком слове является суффиксом.

Теперь Д&Н пишут:

Как видно из текста цитаты, мы утверждали, что по данным словаря [Salminen 1998] в ненецком существует суффикс -er”.

² Ср. следующее утверждение: «Здесь и далее, когда реконструкция в [UEW] отличается от формы, которую предлагается реконструировать в настоящей работе, она приводится в скобках» [Норманская, Дыбо 2010: 51]. — М. Ж.

Авторы, видимо, не вполне осознают разницу между утверждением о наличии суффикса -er” в обсуждаемом ненецком слове силер” и утверждением о наличии такого суффикса в ненецком языке вообще. Нам представляется очевидным, что эти утверждения не равнозначны и что первое из второго не следует. Возможность того, что в диахроническом плане слово силер” содержит суффикс, не отменяет того факта, что Т. Салминен никакого суффикса в этом слове не выделял.

Говоря об этимологии ненецкого силер”, нельзя не отметить, что авторы «Тезауруса» не обратили внимание на нерегулярность фонетических соответствий между ненецким и энецким словами. Ненецкому *śi-* в энецком должно соответствовать *śi-* (из ПС **si-* или **ki-*), энецкому *si-* в ненецком должно соответствовать *si-* (из ПС **śi-*) или *se-* (из ПС **se-*) [Mikola 1988: 232], [Janhunen 1998: 467]. Семантика энецкого *silare* ‘белый с черными крапинками (масть оленя); подросший птенец серой чайки; сероватый; белый с синеватым оттенком; пестрой (белой с черными волосками) масти; светло-серо-(темно-бело-)голубоватый’ может быть объяснена, только если мы предположим, что это слово первоначально было цветообозначением, а не орнитонимом. Энецкое слово, по всей видимости, является производным от *si?* ‘белый’ (< ПС **ser* ‘белый’ [SW: 138]). В таком случае ненецкое слово должно быть заимствованием из энецкого, что оправдывает отсутствие морфологического членения на собственно ненецкой почве в словаре Салминена.

3.2. Как видно из ответа Д&Н, о «неправильной интерпретации» нами слов «Тезауруса» в данном случае не может быть и речи. Нашим намерением здесь было не оспорить конкретную этимологию или реконструкцию, а показать, что фразами наподобие «как известно» авторы прикрывают непроработанность стандартной литературы по данному вопросу.

4.1. Слова Д&Н

Казарка не встречается на территориях распространения тех языков, где представлены рефлексy слова, значит, можно предполагать, что казарки встречались на прародине, и как реликты рефлексy этого слова сохранились в нескольких языках. На картах показаны три различных ареала обитания казарок, и прародина должна была включать один из этих трех ареалов

содержат логическую ошибку. Если слово со значением ‘казарка’ может иметься в современном языке, на территории которого казарка не обитает

(речь не идет о книжных заимствованиях), то как можно локализовать прародину на основании наличия слова ‘казарка’ в праязыке?

4.2. Достаточно много места Д&Н уделяют дискуссии о происхождении эрзянского слова *řešt'or* ‘кошель’. Наши замечания по этому слову в рецензии сводились к двум пунктам: 1) неточному цитированию значения и 2) умолчанию авторов «Тезауруса» об альтернативной этимологии, упомянутой в словаре Паасонена [MW: 1628]. По обоим пунктам Д&Н возразить нечего. Видимо, поэтому они уделяют столько внимания спору с этимологией Паасонена (о правильности или ошибочности которой в нашей рецензии не было сказано ни слова). Не претендуя на окончательное решение этой сложной этимологической проблемы, мы все же выскажем в тезисной форме свои взгляды на этимологию слова *řešt'or* ‘кошель’, чтобы читатели могли сравнить их со взглядами Д&Н и сделать свои выводы.

Прежде всего следует отметить, что вслед за А. Е. Аникиным [Аникин 2000: 446] Д&Н ошибаются, считая, что горномарийским соответствием лугового марийского *пѳштыр* ‘котомка, ноша’ [МРС 1956: 453] является горномарийское *пѳшыр* ‘пестер, пестерь, берестяное лукошко’ [МРС 1956: 426]. И по фонетике, и по семантике к луговому слову ближе горномарийское *пѳштыр* ‘котомка, ноша’ [МРС 1956: 476].

Мы согласны с утверждением А. Е. Аникина [Аникин 2000: 446] о том, что диалектные русские формы *пѳстер, пѳстѳр, пѳстерь, пѳстѳрь, пѳхтѳрь* (к ним следует добавить также не упомянутые у Аникина *пѳщер, пѳщерь* [СРНГ 27: 16]) не могут быть исконными и представляют собой заимствования. В то же время сами эти формы неоднократно заимствовались из русского в различные финно-угорские и тюркские языки. Как же различить формы, заимствованные из русских диалектов и формы, сами послужившие источником русского слова? Для этого нужно найти формы, отличающиеся от всех остальных какими-либо фонетическими и/или семантическими особенностями, затрудняющими их выведение из русского.

Большинство форм различных языков, рассматриваемых обычно в связи с русским *пѳстерь*, имеют в первом слоге передний неогубленный гласный *e* (сюда же относится татарская форма, в которой гласный *i* восходит к более раннему *e* в соответствии с правилами исторической фонетики татарского): тат. (ичкинский говор, Курганская область) *пистер* ‘корзинка’ [ДСТЯ: 340]; чув. *пештѳр, пешшѳр*

‘пещер, сумка’ [СЧЯ IX: 176]; луг. мар. *пѳстѳр* ‘пестер, пестерь, берестяное лукошко’ [МРС 1956: 423]; горн. мар. *пѳшыр* ‘пестер, пестерь, берестяное лукошко’ [МРС 1956: 426]; эрз. (Večk Ššant) *řešt'or* ‘кошель / Korb’ [MW: 1628]; эрз. *пѳщор* ‘кошель’ [ЭС: 476]. Заимствованный характер эрзянских форм подчеркивается нетипичной для неэкспрессивных исконных слов фонотактикой: *o* в первом слоге после мягкого согласного [Бубрих 1953: 34].

На фоне приведенных форм резко выделяются луг. мар. *пѳштыр* ‘котомка, ноша’ [МРС 1956: 453] и горн. мар. *пѳштыр* ‘котомка, ноша’ [МРС 1956: 476]. Огубленный вокализм первого слога мешает считать эти слова заимствованиями из русского³, в пользу достаточно долгого существования их в марийском говорит и наличие производных: луг. мар. *пѳштыртѳш* ‘надевать, надеть, навьючивать, навьючить (котомку)’, *пѳштыртымѳш* ‘надевание, навьючивание (котомки)’ [МРС 1956: 453]; горн. мар. *пѳштырташ* ‘надевать, навьючивать (котомку)’ [МРС 1956: 476]. На наш взгляд, источником русского слова могла послужить луговая марийская форма *пѳштыр*. Адаптация *ö* как *e* при заимствовании в русский представляется вполне вероятной. Дальнейшая этимология марийских слов пока остается неясной. Соответствие луг. мар. *ö* — горн. мар. *y* нерегулярно; ясно одно — рассматриваемые марийские слова не имеют никакого отношения к мар. *пѳсте* ‘липа’.

4.3. В рецензии мы писали о нежелании автора различать уровни реконструкции. Очевидно, что такое различие должно быть эксплицитным: автор, различающий несколько уровней реконструкции, всегда должен указывать, о каком уровне идет речь в данный момент. Этого в работе [Норманская 2009] нет. Читатель вынужден сам догадываться о том, что имел в виду автор, а это не облегчает понимание и без того недостаточно эксплицитного текста.

4.4. Прежде всего непонятно, каким образом наличие «более 30» работ Ю. В. Норманской по истории уральского вокализма отменяет тот факт, что в конкретной обсуждаемой работе — статье [Норманская 2009] автор не сопоставляет свою реконструкцию с предложенными ранее вариантами прапермской реконструкции, в частности, рекон-

³ Гипотеза Д&Н о заимствовании луг. мар. *пѳштыр* из эрзянского (!) также не объясняет вокализм марийского слова; кроме того, в марийском до сих пор не было обнаружено ни одного заимствования из мордовских языков.

струкциями В. И. Лыткина и П. Саммаллахти и не анализирует рассмотренные у этих авторов соответствия, в том числе соответствия между прауральским и прапермским, уточнению которых, по утверждению Ю. В. Норманской, посвящена ее работа. Отметим еще один, на наш взгляд, ключевой момент. Д&Н пишут о четком понимании ими необходимости поэтапной реконструкции. Поэтапная, или ступенчатая реконструкция строится следующим образом:

Необходимо сначала реконструировать праязыки самого близкого уровня, затем сравнить их между собой и реконструировать более древние праязыки и т.д., пока в конце концов не будет реконструирован праязык всей рассматриваемой семьи (Бурлак, Старостин 2005: 186).

Однако Д&Н утверждают:

Мы нигде не ставили задачи полной реконструкции прапермского, прафинно-волжского, прасамодийского вокализма. Эти задачи еще предстоит решать. Нашей целью было проследить рефлексацию установленных предшествующими исследователями праязыковых гласных (ПУ/ФУ) в дочерних праязыках и в современных языках...

Согласно методике ступенчатой реконструкции, прафинно-угорский и прауральский вокализм может быть восстановлен только в результате сравнения реконструированного вокализма дочерних праязыков. Если дочерние реконструкции фрагментарны, о реконструкции уральского / финно-угорского вокализма не может быть и речи. Фактически прауральские и прафинно-угорские гласные Ю. В. Норманская берет либо из словаря UEW (где реконструкция вокализма не основана на эксплицитно сформулированных соответствиях и зачастую оперирует не столько фонетическими законами, сколько необязательными «тенденциями»), либо непосредственно из финского языка. Особенно показателен в этом отношении приведенный в работе [Норманская 2008: 226] алгоритм реконструкции прафинно-волжского вокализма первого слога. Первый пункт этого алгоритма гласит:

Если ПУ / ФУ / ФП / ФВ слово имеет рефлекс в ПФ языках, то гласный первого слова в этих языках проецируется на ФВ уровень.

Перед нами типичное использование давно дискредитировавшего себя метода «ключевого языка» или даже, скорее, злоупотребление им. Отметим, что применение этого метода совершенно нехарактерно для представителей Московской школы компаративистики, к которой причисляет себя Ю. В. Норманская. Нельзя также не обратить внимания на то, что в «Тезаурусе», где воспроизведена критикуемая нами таблица соответствий, она вводится без каких-либо указаний на ее фрагментар-

ность. Авторы «Тезауруса» просто пишут, что в работе [Норманская 2009] «предложена новая реконструкция прапермского вокализма на основании данных внутреннего и внешнего сравнения», и продолжают: «Здесь и далее при анализе прапермских форм используется эта реконструкция прапермского вокализма» [Норманская, Дыбо 2010: 48—49]. Читатель, не потрудившийся ознакомиться с работой [Норманская 2009] (библиографическая ссылка на которую в «Тезаурусе» дана с ошибками), может даже не заподозрить, что предлагаемая прапермская реконструкция недействительна для целого ряда позиций, условно названных Ю. В. Норманской «палатализирующими». Более того, сами авторы «Тезауруса» игнорируют это ограничение, применяя свою прапермскую реконструкцию для анализа слов, где по определению [Норманская 2009] гласные находятся в «палатализирующей» позиции. Так, например, реконструкцию **käčz* ‘мерзнуть, охлаждаться’ [UEW: 648] авторы «Тезауруса» исправляют на **kuńče* [Норманская, Дыбо 2010: 51—52], ссылаясь прежде всего на рефлекс гласного в пермском, несмотря на то, что, согласно [Норманская 2009], в данном слове гласный стоит в «палатализирующей» позиции. Праформа **pošz* ‘жара’ [UEW: 738] заменяется на **püše* [Норманская, Дыбо 2010: 78—79] также со ссылкой на рефлекс в пермском. Аналогично реконструкция **kičz* ‘береза’ [UEW: 211] исправляется на **kačV* [Норманская, Дыбо 2010: 105] опять же с учетом пермских рефлексов.

Но и сама статья [Норманская 2009] немногим более эксплицитна. Критерии отбора рассматриваемых этимологий в этой работе не приводятся. Только в сноске 10 на странице 265 про конкретные этимологии сказано, что они «не включены в этот раздел, поскольку в них [sic! — М. Ж.] нет рефлекса в финском языке». Как пишут Д&Н, «критерий отбора материала был подробно разобран в [Норманская 2008]» — работе, в которой о пермских языках нет ни слова. Итак, для того, чтобы правильно понять намерения Ю. В. Норманской, читатель, видимо, должен ознакомиться со всеми ее предшествующими работами и реконструировать ход ее мыслей.

Ю. В. Норманская утверждает, что приведенные нами примеры не удовлетворяют использованному ею критерию отбора материала. Это не всегда так (см. ниже). Но даже там, где это верно, остается неясным статус представленных в этих примерах соответствий. Если верно, что в работе [Норманская 2009] действительно были определены пермские рефлексивы всех кратких праязыковых гласных

в «непалатализирующей позиции», то соответствия, не упомянутые в этой статье, могут быть представлены либо в словах, не имеющих финно-пермской этимологии, либо в словах с долгим гласным в прафинно-пермском. Однако даже Ю. В. Норманская не предлагает восстанавливать долгий гласный для таких слов, как «хвост», «зима», «имя» или «глаз» (последние три слова имеют краткий гласный в прибалтийско-финском).

Утверждение Норманской, что «**nime* имеет нестандартные рефлексы вокализма в ФВ языках» может вызвать только глубокое недоумение. О каких «нестандартных рефлексах вокализма» может идти речь? С традиционной точки зрения, рефлексы гласного в этом слове абсолютно регулярны: ПУ **i* в прибалто-финском сохраняется как *i*, в прасамском дает **e* [Korhonen 1988b: 268–270] (это регулярный рефлекс и согласно концепции Норманской [Норманская 2008: 187]), в мордовских языках рефлексы тоже регулярны — мокш. *e*, эрз. *e* (но *ä* в диалектах эрзянского, различающих *e* и *ä*) [Bereczki 1988: 320], в марийском налицо один из возможных регулярных рефлексов — ПМар. **ï* [Collinder 1960: 179]. Отметим, что в работе [Норманская 2008] не рассматриваются мордовские и марийские рефлексы праязыковых гласных в *e*-основах, так что и с точки зрения концепции Норманской невозможно говорить о нерегулярности рефлексов гласных в слове **nime* ‘имя’. Предложение восстанавливать инлаутный палатальный согласный в слове «глаз» (традиционно восстанавливаемом как **šilmä*) явно сделано ad hoc и не подтверждено полным анализом фонетических соответствий. непонятно также, как это предложение, да и вся концепция «палатализирующей» позиции соотносится с высказанной Д&Н в ответе на нашу рецензию гипотезой, что «твердые vs. мягкие сонорные согласные возникали в пермских и обско-угорских языках независимо». Получается, что отсутствие единой эксплицитной системы фонетических соответствий позволяет Д&Н то оперировать праязыковыми мягкими сонорными (когда реконструкция этих фонем позволяет отвести неудобные примеры), то игнорировать противопоставление по твердости-мягкости (когда это нужно для оправдания новых этимологий).

5.1. Не вдаваясь в дискуссию о рефлексации праселькупских гласных в селькупских диалектах, отметим только следующие моменты.

- 1) Как признают Д&Н, рефлексы праселькупских слов **seŋka* ‘Auerhahn (beide Geschlechter)’ и **sāŋkočä* ‘Stockente’ в кетских диалектах

имеют разные гласные: KUS, KM *e* в первом случае и KUS, KM *ä* — во втором.

- 2) Д&Н утверждают, что гипотезе о различии рефлексов ПСельк. **e* и **ä* в кетских говорах противоречит следующий пример: ПСельк. **sāŋka* ‘мизинец’⁴ [Alatalo 2004: 374] > КеМ *sēŋgäi*. Это возражение основано на неточном цитировании [Alatalo 2004]: на самом деле на указанной странице приведена форма КеМ *sēŋgäi*, имеющая ожидаемый рефлекс — открытый долгий гласный переднего ряда⁵.
- 3) Приведенный Д&Н пример не подтверждает возможности непосредственного перехода названия утки в название глухаря или наоборот: слово **lunta*, имевшее в прафинно-угорском значение ‘гусь’ или ‘утка’, в прасамском стало общим обозначением птицы; затем прасамское **lontē* ‘птица’ в колтта-саамском приобрело вторичное значение ‘глухарь’. Очевидно, что для селькупских слов предполагать промежуточное значение ‘птица’ не приходится.

5.3. Д&Н предлагают откорректировать постулированную ими в «Тезаурусе» прауральскую реконструкцию **konte* ‘медведь’, заменив ее на **konV-*. В пермских рефлексах (коми *gundir*, удм. *gondir*) они выделяют отыменной суффикс *-dir*, приводя следующий пример: коми *veža* ‘священный, святой, освященный’; *vežadir* ‘святки’, удм. *vožadir* ‘святки’. На самом деле приведенные формы — не суффиксальные производные, а сложные слова со вторым компонентом *dir* ‘время’ [КЭСК: 98; УРС: 195–196; ГСУЯ: 123], буквально ‘святое время’ = ‘святки’. Если, как утверждают Д&Н, в удм. *gondir* ‘медведь’ содержится тот же «суффикс», то это слово, видимо, должно буквально означать ‘время шерсти’ (ср. удм. *gon* ‘шерсть’). Это лишь один из многих случаев, когда авторы «Тезауруса» называют какой-либо суффикс просто «отыменным» или «отглагольным», не считая себя обязанными точно определить его семантику, а иногда и выяснить, суффикс ли это вообще или вторая часть сложного слова.

⁴ Д&Н почему-то переводят ‘kleiner Finger’ как ‘маленький палец’.

⁵ В рецензии мы уже указывали, что авторы «Тезауруса» непоследовательно различают стандартные для финно-угорской транскрипции диакритики, обозначающие открытость гласного (*e* и *o* = открытые *e* и *o*) и более заднюю артикуляцию гласного (*e* и *i* = гласные среднего или заднего ряда). К сожалению, наша критика не была услышана.

Но есть и другая причина, по которой обсуждаемая этимология должна быть отвергнута. Дело в том, что, как было убедительно показано Анте Айкио [Aikio 2009: 93–95], фин. *kontio* ‘медведь’ представляет собой заимствование из саамского (ПСаам. **kuotŕe* ‘медведь’). Умолчание авторов «Тезауруса» об этой этимологии тем более странно, что работа [Aikio 2009] присутствует в библиографии к «Тезаурусу». Не упомянуты в «Тезаурусе» и работы В. В. Напольских [Напольских 1997], [Напольских 2008], в которых предложена новая этимология пермских слов. Этот небольшой пример может создать впечатление, что авторы «Тезауруса» относятся к уралистике как к совершенно неисследованной области, не считая нужным ни оспаривать мнения своих предшественников, ни ссылаться на их работы.

5.4. По меньшей мере удивление вызывает следующее утверждение Д&Н:

...в данном случае речь идет как раз об особой рефлексации, которая была подробно описана еще Б. Коллиндером [Collinder 1960], когда в нескольких уральских языках друг другу соответствуют инлаутные звонкие согласные. Возможно, что для таких случаев в прауральскую фонологическую систему следует ввести звонкие фонемы. Этот вопрос также более пятидесяти лет назад был поднят Б. Коллиндером.

Ничего подобного в книге [Collinder 1960] нет. В ней на с. 45 обсуждается вопрос о соответствиях между пермскими и венгерскими **анлаутными** звонкими согласными. Более того, там же Коллиндер подчеркивает, что пермские и венгерские **инлаутные** звонкие восходят к прауральским сочетаниям носового с глухим смычным. Характерно, что наши оппоненты не приводят точную ссылку на страницу, где Коллиндер обсуждает эту проблему.

* * *

Д&Н признают наши замечания справедливыми и меняющими этимологию рассматриваемых слов лишь в пяти случаях. Таким образом, наши оппоненты умалчивают о следующих случаях, в которых замечания, приведенные нами в рецензии, должны привести к пересмотру предложенной ими этимологии:

- 1) мар. М *kolšyre* ‘чайка’ представляет собой композит из *kol* ‘рыба’ и *šyre* ‘чайка’ и поэтому не может восходить к ПУ **ka/óIV* ‘чайка’;
- 2) саам. N *vuow'dai* значит ‘прожорливый, жадный’ и является синхронным производным от саам. N *vuow'dâ* ‘полость живота’

(ПСаам. **võmtę*), это слово, как и его когнат в инари-саамском, не может восходить к ФВ **okto* ‘медведь’;

- 3) мар. М *juálye* ‘прохлада’ — суффиксальное производное от *ju* ‘kühl’ и не может возводиться к ФУ **jalV-* ‘прохлада, прохладный ветер’;
- 4) саам. I *ergi*, N *hær'ge* ‘кастрированный олень’ заимствовано из фин. *härkä* ‘бык, вол’ и не должно сравниваться с коми *jera* ‘лось’ и возводиться к ФП **erkV* ‘лось, олень’;
- 5) саам. N *sar'je* значит ‘рана’ и является заимствованием из праскандинавского **saira* ‘рана’, это слово, как и родственное ему инари-саамское *särji* ‘раненый медведь’, не может восходить к ФУ **sarV* / **sorV* ‘медведь’.

К числу своих «технических неточностей» Д&Н относят то, что в саамских примерах (типа указанных нами в рецензии N *gálbme* вместо *gál'bme*, L *kaíma* вместо *kal'ma*, N *haer'gi* вместо *hær'ge*)

знак палатализации поставлен другим способом, чем обычно.

Тем самым Д&Н выдают свое незнание с фонологией и орфографией саамских языков: как указывает М. Корхонен, «^l between two consonants indicates the longest quantitative degree of a geminate or consonant cluster» [Korhonen 1988a: 44]. Палатальность же предшествующего согласного обозначается в северносаамской орфографии с помощью буквы *j*. Непонятно, как с таким уровнем представлений о синхронной фонологии уральских языков можно обсуждать вопрос о первичности или вторичности палатальных сонорных в прауральском.

В заключение своего ответа Д&Н предлагают алгоритм, которому нужно следовать при рецензировании этимологического словаря. Несмотря на предлагаемые разумные в целом критерии оценки этимологических работ, буквальное выполнение пожеланий Д&Н практически невозможно, если речь не идет о работах небольшого объема, так как от рецензента требуется проделать работу, фактически превышающую по объему работу авторов словаря.

Нам представляется, что прежде чем применять этот или любой подобный алгоритм оценки этимологических работ, следует установить, с каким именно типом этимологической работы мы имеем дело. На наш взгляд, этимологические работы можно разделить на три основных типа.

Первый — это работы, выполненные в жанре «массового сравнения» (mass comparison). В этих

работах не применяется принцип регулярных фонетических соответствий. Вместо этого слова сравниваются на основе их «похожести», критерии которой могут быть (или не быть) формализованными. Примером подобной работы является [Greenberg 1987]. Несмотря на то, что в некоторых случаях, если речь идет о слабоисследованных языках, подобные работы могут быть полезными, они фактически стоят вне рамок компаративистики.

В работах второго типа используются знания о фонетических соответствиях между языками, но не ставится цели полной выводимости форм дочерних языков из предложенных праязыковых реконструкций. Соответственно в таких работах не приводятся полные и эксплицитные системы соответствий между реконструкцией и дочерними языками. Не всегда в таких работах даются и реконструированные формы. Примером работы второго типа может служить [UEW].

Наконец, работы третьего типа основаны на полной и эксплицитной системе соответствий⁶ между реконструкцией и дочерними языками. Эта система соответствий может быть изложена или в самом этимологическом словаре, или в других публикациях, на которые ссылаются авторы работы. Важно, чтобы читатель мог однозначно установить, какой системы соответствий придерживаются авторы, и чтобы эта система соответствий была достаточно полной. Еще один признак работ третьего типа — последовательное проведение принципа ступенчатой реконструкции. Примером такой работы может быть [NCED]. Только работы третьего типа могут оцениваться по формальным критериям строгого соблюдения фонетических соответствий в предложенном материале и однозначности постулированных фонетических переходов⁷.

⁶ Такая система соответствий, однако, может охватывать не все языки исследуемой семьи: в некоторых случаях это практически неосуществимо из-за большого количества и/или недостаточной описанности языков (напр., в случае австронезийской семьи или семьи банту).

⁷ Д&Н считают, что для словарей, авторы которых не приводят систем соответствий, «работу по установлению систем соответствий должен проделать рецензент». Абсурдность этого требования очевидна: оно было бы выполнимо только при условии стопроцентной заведомой правильности всех приведенных в рецензируемом словаре этимологий. В противном случае для установления системы соответствий потребуется пересмотр самого корпуса этимологий, и вместо рецензии «рецензент» должен будет создать свой этимологический словарь. Подобные требования могут выдвигаться только с целью поставить такой тип этимологических словарей вне какой бы то ни было критики.

Ни по каким параметрам «Тезаурус» не может быть отнесен к работам третьего типа. Несмотря на заявления авторов (в том числе и в ответе на нашу рецензию), в этой работе они не придерживаются определенной системы соответствий; такая система отсутствует в преамбуле к «Тезаурусу» (в отличие, например, от [NCED] или [ОСНЯ]); более того, сами авторы (по крайней мере один из них — Ю. В. Норманская) утверждают, что задача построения такой системы «на данном этапе» ими и не ставится: в «более 30» работах Ю. В. Норманской реконструируются только отдельные фрагменты прауральской фонологической системы (элементы акцентологии и частично вокализм). В то же время, как показано нами и в первоначальной рецензии на «Тезаурус», и в настоящей статье (см. выше) фонетические соответствия, выработанные другими уралистами, по поводу которых существует определенный консенсус, применяются в «Тезаурусе» бессистемно; из фонетических законов делаются необоснованные исключения, подтвержденные одним или двумя примерами. При этом авторы заявляют, что «таких примеров можно набрать много», заставляя, таким образом, читателя проверять приведенные ими контрпримеры и вновь «изобретать велосипед», доказывая уже неоднократно доказанные и утвердившиеся в науке положения. Понять, какого мнения придерживаются авторы по другим, более спорным вопросам, из «Тезауруса» зачастую невозможно.

Следует признать, что «Тезаурус» относится к работам второго типа, где принятая авторами полная и четкая система соответствий (пусть даже и спорная) фактически отсутствует. Этимологии, предложенные в подобных работах, в отличие от этимологий в работах третьего типа, не могут по умолчанию рассматриваться как правильные. Их правильность должна доказываться в рамках конкретных концепций исторической фонетики. Отсюда следует, что само по себе количество приведенных в такой работе этимологий мало о чем говорит — все зависит от того, насколько точно и аккуратно приведены и проанализированы языковые данные, насколько последовательно соблюдаются те отдельные фонетические соответствия, которые авторы все же учитывают, насколько полно приведены все релевантные данные по каждой этимологии.

Сравнительно-историческое изучение каждой языковой семьи проходит несколько этапов: на этапе предварительного исследования этимологические работы по данной семье относятся к первому типу, затем появляются этимологические сло-

вари второго типа и наконец, с появлением достаточно подробных и полных работ по исторической фонетике, наступает время работ третьего типа. В уралистике переход от работ второго типа к работам третьего произошел в 1980-х годах, с выходом последней значимой этимологической работы второго типа — [UEW] — и появлением первых работ третьего типа — [Janhunen 1981] и [Sammallahti 1988]. Хорошо известные недостатки этих работ — немногочисленность проанализированных этимологий, спорность отдельных решений — не отменяют их главного достоинства: полноты и эксплицитности системы фонетических соответствий. Публикацию «Тезауруса», относящегося к работам второго типа, можно рассматривать только как попытку отбросить развитие уралистики назад, в безвозвратно ушедшую эпоху.

Тем не менее, мы согласны с тем, что для того, чтобы максимально объективно оценить место «Тезауруса» среди других работ второго типа, необходимо провести сплошной анализ если и не всех имеющихся в книге этимологий (что невозможно в рамках настоящего ответа), то по крайней мере существенной их части. Мы рассмотрим этимологии из главы III «Тезауруса»: «Названия фауны в уральских языках». При этом мы ограничимся уральскими / финно-угорскими / финно-пермскими / финно-волжскими этимологиями, которые были предложены в «Тезаурусе» впервые (имеются в виду именно полностью новые этимологии, а не дополнения и поправки к уже существующим в литературе). Всего в этой главе имеются 24 такие этимологии.

- 1) ФВ **werV* ‘баран, ягненок’ (саамский — мордовский — марийский) [Норманская, Дыбо 2010: 117].
→ ПСаам. **vērcce* [Lehtiranta 1989: 150—151] должно быть выведено из сравнения, т. к. 1) в саамском нет суффикса **-cce*; 2) полнзначные корни в саамском не могут иметь вид SVC перед суффиксом с консонантным анлаутом. Мар. *vri* ‘овца’, приводимое со ссылкой на неопубликованную работу [Кузнецова 1991: 146] (ср. также [Кузнецова 1993: 183]) идентично междометию для подзывания овец, отмеченному в восточномарийских диалектах: *бри-бри*, *брий-брий*, *ври-ври*, *вырий-вырий* [Гордеев 1979: 232]. Это междометие заимствовано из русского⁸ *быр-быр*, *бырь-бырь*

‘слово, которым подзывают овец’ [СРНГ 3: 347], представленного в курских, воронежских, нижнедонских, орловских и калужских говорах. Этимология должна быть признана ошибочной.

- 2) ПУ **pitV* / **petV* / **pitV* ‘лось’ (хантыйский — маторский) [Норманская, Дыбо 2010: 128—129].
→ Сравнение крайне ненадежно из-за того, что хантыйская форма представлена только в одном говоре.
- 3) ФП **erkV* ‘лось, олень’ (саамские — коми) [Норманская, Дыбо 2010: 129].
→ Ошибочная этимология (саамское слово заимствовано из финского, см. выше).
- 4) ПУ **konte* ‘медведь’ (финский — пермские — камасинский) [Норманская, Дыбо 2010: 130—131].
→ Ошибочная этимология, см. выше.
- 5) ФУ **sarV* / **sorV* ‘медведь’ (саамские — мансийский) [Норманская, Дыбо 2010: 131].
→ Ошибочная этимология, см. выше.
- 6) ПУ **pačV* ‘бобр’ (мордовские — самодийские) [Норманская, Дыбо 2010: 138—139].
- 7) ФУ **wVntVr* ‘выдра’ (марийский — удмуртский — обско-угорские) [Норманская, Дыбо 2010: 141—142].
→ В «Тезаурусе» утверждается, что чувашское *v^wd^wr* ‘выдра’ «не может считаться источником удмуртской и марийских форм, поскольку в этом случае не ясно объяснение анлаутного *v-* в удмуртском и изменение значения в марийском». Однако анлаутный *v-* в удмуртском *vidor* ‘выдра’ достаточно легко объяснить аналогией со словом *vi* ‘вода’, о чем упоминают и сами авторы «Тезауруса». Марийское слово значит ‘крот’, но это не опровергает гипотезу о его заимствовании из чувашского, т. к. согласно словарю Ашмарина [СЧЯ IV: 78—79], чувашское слово в части диалектов также имеет значение ‘крот’. Если признавать удмуртское и марийское слова чувашизмами, сравнение с обско-угорским должно быть отклонено.
- 8) ПУ **pVnšV* ‘белка-летяга’ (удмуртский — самодийские) [Норманская, Дыбо 2010: 145].

⁸ Предположение о заимствовании из русского выдвинуто в [Гордеев 1979: 232]. В целом к этимологиям, предложен-

ным в этой работе, следует относиться с осторожностью, но данное этимологическое решение представляется нам бесспорным.

- Ошибочная этимология, уже дезавуированная авторами «Тезауруса» в их ответе выше.
- 9) ПУ **kuklV* ‘мышь, крот, крыса’ (марийский — хантыйский — ненецкий — селькупский) [Норманская, Дыбо 2010: 146—147].
- Праселькупская форма восстанавливается как **қаңләлә* [Alatalo 2004: 312], что делает сомнительным сравнение с ненецким (где нет следов носового) и опровергает сравнение с марийским, в котором праязыковой кластер *-*ŋl-* сохраняется (ср. [UEW: 645]). Сравнение с хантыйским трудно оценить из-за того, что хантыйское слово представляет собой гапакс, зафиксированный лишь в одном источнике XVIII века [DEWOS: 476].
- 10) ФУ **lepa* ‘летучая мышь’ (финский — хантыйский) [Норманская, Дыбо 2010: 148].
- Сравнение крайне ненадежно из-за того, что хантыйская форма представлена только в одном говоре.
- 11) ФУ **sara* ‘курица, лысуха’ (мордовские — венгерский) [Норманская, Дыбо 2010: 154—155].
- Авторы «Тезауруса» отвергают традиционную этимологию венг. *szárca* ‘лысуха (черная или темная птица с белой кожистой бляхой на лбу); черная лошадь с белым лбом’ как производного от *szár* ‘rotbraun, rötlichgelb’, утверждая, что сравнение с эрз. *saras*, мокш. *saraz* ‘курица’ «гораздо предпочтительнее семантически». Однако непонятно, как при такой этимологии объяснять значение ‘черная лошадь с белым лбом’. Кроме того, согласно [EWUng: 1396] слово *szárca* зафиксировано также как прилагательное со значением ‘weißlich, kahl (Bein des Pferdes)’. Очевидно, что семантика цветообозначения здесь первична и сравнение с мордовским следует отклонить.
- 12) **šVŋkV* ‘утка’ (обско-угорские — ненецкий — энецкий — селькупский) [Норманская, Дыбо 2010: 161—162].
- Большая часть селькупского материала должна быть выведена из сравнения, см. выше. Принятию этимологии мешает ненадежность семантики: непосредственный переход между значениями ‘глухарь’ и ‘утка’ не подтверждается типологическими аналогами в других языках.
- 13) ПУ **wälä* ‘сокол, коршун’ (саамские — селькупский) [Норманская, Дыбо 2010: 169].
- Авторы «Тезауруса» приводят только инари-саамскую форму *välli* ‘сокол’, не упоминая ее северносаамский когнат *fal'le* ‘сокол’. Саамские слова заимствованы из скандинавских языков, ср. др.-исл. *valr* ‘сокол’ [Qvigstad 1893: 144], следовательно, этимология «Тезауруса» ошибочна.
- 14) ПУ **wVrV* ‘ястреб’ (марийский — пермские — селькупский) [Норманская, Дыбо 2010: 170—171].
- Марийское слово, по всей видимости, заимствовано из пермских (соответствие гласных первого слога «луг. *a* — горн. *ä*» характерно для заимствований). NB: соответствие «коми *a* — удмуртский *a*», необъяснимое в концепции Норманской.
- 15) ФУ **pVŋkVj* ‘филин’ (пермские — венгерский) [Норманская, Дыбо 2010: 172].
- Сравнимые слова явно относятся к звукоподражательным. Авторы «Тезауруса» пишут: «Несмотря на явный звукоподражательный характер слова, между приведенными формами из пермских, венгерского и ненецкого языков наблюдаются строгие фонетические соответствия». О «строгости» соответствий красноречиво говорит как то, что авторы не решились восстановить в этом слове какой-либо конкретный гласный, так и то, что венгерская форма имеет в аналауте незаконномерный *b-*. Какую же именно ненецкую форму подразумевали авторы, мы затрудняемся предположить.
- 16) ПУ **tüüle* ‘кулик’ (прибалтийско-финские — удмуртский — самодийские) [Норманская, Дыбо 2010: 173].
- Сравнимые слова, вероятно, являются звукоподражательными, ср. их явное сходство с рефлексам предпологаемого ПУ **čVlčV-* ‘кулик, зук’ [ibid.].
- 17) ПУ **kaol'V* ‘чайка’ (саамские — марийский — коми — хантыйский — самодийские) [Норманская, Дыбо 2010: 174—175].
- Фантомная саамская форма должна быть отведена, что уже признано Д&Н в ответе выше. Марийская форма также выводится из сравнения (см. выше). Восточнохантыйские (напр., Trj. *käl'ek*) и западнохантыйские (напр., Kaz. *čäl'ew*) формы, несмотря на разную суффиксацию, явно родственны на прахантыйском уровне. Обращает на себя внимание тот факт, что селькупские формы (напр.,

кет. *кальляк*) близки к восточнохантыйским, а ненецкие (напр., тундр. *хӕлэв*) — к западнохантыйским. Объяснить это можно, только предположив, что мы имеем дело с хантыйскими заимствованиями, источниками которых были разные хантыйские языки/диалекты. Сравнение самодийских слов как генетически родственных в [SW: 52] следует признать ошибкой. Что касается коми формы, то она не может быть родственна хантыйской из-за палатального *-l-*. Нет оснований отказываться от традиционного взгляда на коми слово как на ненецкое заимствование. Этимологию «Тезауруса» в целом следует признать ошибочной.

18) ПУ **čir(p)V* ‘чайка’ (прибалтийско-финские — коми — венгерский — ненецкий) [Норманская, Дыбо 2010: 176–177].

→ Венгерское слово *sirály* ‘чайка’ имеет надежную этимологию, без достаточных оснований отвергнутую в «Тезаурусе»: оно образовано от *sír-* ‘weinen; schreien, kreischen (Vogel)’ [EWUng: 1332] с помощью отглагольного суффикса *-ály*. То, что в «Тезаурусе» этот суффикс назван «отыменным» — явно результат недоразумения. В целом сравниваемые здесь формы, несомненно, являются звукоподражательными.

19) ПУ **čülV* ‘чайка’ (венгерский — самодийские) [Норманская, Дыбо 2010: 177].

→ Ошибочная этимология, см. выше.

20) ФУ **pVčV* ‘маленькая птица’ (марийский — коми — хантыйский — венгерский) [Норманская, Дыбо 2010: 180].

→ Сравнимые слова имеют явно звукоподражательный характер (ср. нерегулярные соответствия согласных между хантыйскими диалектами). Венгерское слово не может быть исконным из-за начального *p-*.

21) ФУ **koj(a)ta* ‘благородный лосось, семга’ (финский — саамские — мансийский) [Норманская, Дыбо 2010: 181–182].

→ Этимология должна быть отклонена: см. выше п. 1.1 о невозможности исконного происхождения мансийского слова.

22) ФУ **mVksVn* ‘муksун’ (марийский — обско-угорские) [Норманская, Дыбо 2010: 184–185].

→ Согласно словарю [Moisio & Saarinen 2008: 385], марийское *tokšynčö* ‘налим’ является производным от *tokš* ‘печень’ (характерный

признак налима — большая печень [Сабанев 1993: 146]). Этимология «Тезауруса» должна быть отвергнута.

23) ПУ **IVŋV-* ‘язь’ (хантыйский — селькупский) [Норманская, Дыбо 2010: 186].

→ Хантыйское слово отмечено только в одном источнике и снабжено в DEWOS пометой «unsicher» [DEWOS: 816], что делает этимологию менее надежной. Кроме того, эксклюзивная хантыйско-селькупская параллель с большой вероятностью может оказаться контактной.

24) ПУ **kantV* ‘елец, пескарь’ (марийский — селькупский) [Норманская, Дыбо 2010: 186].

Как мы видим, 11 этимологий из 24, то есть почти половина, могут быть отклонены как ошибочные. В части оставшихся случаев вероятность предложенной в «Тезаурусе» этимологии снижается наличием альтернативных версий или звукоподражательным характером слова.

Следует также отметить, что почти все новые этимологии в «Тезаурусе» фактически основаны на двухконсонантных сравнениях (при том, что, как мы уже видели, к реконструкции гласных в «Тезаурусе» есть много вопросов). Как известно, при подобных сравнениях резко повышается вероятность случайного совпадения.

Таким образом, и оставшиеся на данный момент не опровергнутыми этимологии легко могут оказаться ошибочными. Показать их правомерность можно только применив к ним полную и максимально однозначную систему фонетических соответствий, включающую соответствия для гласных. Этого, как мы знаем, авторы «Тезауруса» не сделали.

Процент ошибок в работах основного автора «Тезауруса» легко оценить и другим способом — на примере ответа на нашу рецензию. Текст этот сравнительно невелик; он носит полемический характер, являясь ответом на замечания с нашей стороны по поводу небрежностей, ошибок и упущений, обнаруживаемых в «Тезаурусе». Увы, как может убедиться читатель, процент ошибок и ляпов на страницу в ответе, пожалуй, больше, чем в самом «Тезаурусе». Тем самым авторы ответа лишь подтвердили высказанный мной в рецензии вывод о типичности подобных текстов для Ю. В. Норманской, «автора 6 монографий и более 80 статей»⁹.

⁹ Не беремся подсчитывать число статей, но нам известны только три монографии Ю. В. Норманской, включая рецензируемую, — если только в число «монографий» не включены главы в коллективных монографиях.

Нам кажется, что дискуссию о «Тезаурусе» можно считать завершённой. Позиции сторон ясны и вряд ли изменятся в будущем, а заинтересованный читатель теперь располагает достаточной информа-

цией для того, чтобы составить собственное мнение о том, является ли «Тезаурус» ценным вкладом в уралоистику или работой, существенно снижающей стандарты этимологических исследований.

Список сокращений

венг. — венгерский

Волж — волжские языки (мордовские и марийский)

диал. — диалектное

др.-венг. — древневенгерский

кам. — камасинский

коми

в. — вычегодский диалект

вв. — верхневыхогодский диалект

вс. — верхнесысольский диалект

вым. — вымский диалект

иж. — ижемский диалект

лет. — летский диалект

нв. — нижневыхогодский диалект

п. — коми-пермяцкие диалекты

печ. — печорский диалект

с. — сысольский диалект

скр. — присыктывкарский диалект

сс. — среднесысольский диалект

уд. — удорский диалект

манс. — мансийский

К — кондинские диалекты

KU — нижнекондинский диалект

LM — среднелозьвинский диалект

LO — верхнелозьвинский диалект

LU — нижнелозьвинский диалект

N — северномансийский диалект

P — пельмский диалект

So — сосьвинский диалект

T — тавдинские диалекты

TJ — говор д. Янычкова

мар. — марийский

B — горномарийский

C — диалекты округа Царёвококшайск (совр. Йошкар-Ола)

Ch — говор д. Большие Маламасы

CK — говор д. Кушнур

CÜ — говор д. Юшуттур

E — восточномарийские диалекты

J — яранский

JO — говор д. Отюгово

JT — говор д. Туршомучкаш

K — диалекты округа Козьмодемьянск

M — луговой малмыжский

MK — малмыжский говор д. Карманкино

P — говор д. Сарси

U — диалекты округа Уржум

UJ — говор д. Ядык Беляк

UP — говор д. Петрушин

US — говор д. Нижняя Сюкса

USj — говор д. Сабуме

V — ветлужский

морд. — мордовские

E — эрзянский

E:Atr — говор с. Атрадь Алатырского района Республики Чувашии

E:Ba — говор с. Баевка Николаевского района Ульяновской области

E:E:HI — говор с. Отрадное Чамзинского района Республики Мордовии

E:E:Jeg — говор д. Новоегоровка Абдулинского района Оренбургской области

E:Kažl — говор с. Кажлодка Торбеевского района Республики Мордовии

E:Kal — говор д. Коляево Теньгушевского района Республики Мордовии

E:Mar — говор сел Большое и Малое Маресово Чамзинского района Республики Мордовии

E:E:Nbajt — говор с. Новый Байтермиш Искалинского района Самарской области

E:Sšant — говор с. Степная Шентала Кошкинского района Самарской области

E:Večk — говор сел Старое и Новое Вечканово Искалинского района Самарской области

E:VVr — говор с. Великий Враг Шатковского района Нижегородской области

M — мокшанский

M:MdM:Jurtk — говор с. Подлесно-Мордовский Юрткуль Старо-Майнского района Ульяновской области

M:P — говор Пензенской области, (без западных районов) Республики Мордовии

M:ProI — говор населенного пункта в Кошкинском районе Самарской области

M:Sel — говор с. Покровские Селищи Zubovo-Полянского района Республики Мордовии

M:Ur — говор с. Урюм Тетюшского района Республики Татарстан

ненец. — ненецкий	об.ч. — обские говоры Чумылькуп
Т — тундровый диалект	таз. — тазовский
ПМанс — прамансийский	удм. — удмуртский
ПП — прапермский	G — глазовский диалект
ПС — прасамодийский	J — елабужский диалект
ПСаам — прасаамский	K — казанский диалект
ПСельк — праселькупский	M — малмыжский диалект
ПУ — прауральский	MU — малмыжско-уржумский диалект
ПУг — праугорский	Uf — уфимский диалект
ПФ — прибалтийско-финский	ФВ — финно-волжский
ПХант — прахантыйский	фин. — финский
рус. — русский	ФП — финно-пермский
н.-индиг. — нижеиндигирские говоры	ФУ — финно-угорский
ср.-обск. — средне-обские говоры	хант. — хантыйский
арх. — архангельские говоры	DN — верхнедемьянский диалект
саам. — саамский	I — иртышский диалект
I — Инари диалект	J — юганский диалект
Kld — кильдинский диалект	Kaz — казымский диалект
N — норвежско-саамский	KO — кондинский диалект
Not — Нотозеро диалект	Kr — красноярский диалект
P — Паатсьоки диалект	Ni — низямский диалект
T — Тер диалект	O — обдорский
сельк. — селькупский	P — данные X. Паасонена без указания на диалект
кет. — кетский диалект	T — данные собранные Н. И. Терёшкиным после 1945 года
KU — нижнекетский говор	Ttj — тромъеганский диалект
KM — среднекетский говор	V — ваховский
KeM — среднекетский говор в Максимкином Яре	энец. — энецкий
об.с. — обские говоры Сюсюкум	эст. — эстонский

Литература

- АНИКИН А. Е.: *Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков.* Новосибирск, 1997. [Anikin A. E.: *Etimologicheskii slovar' russkikh dialektov Sibiri. Zaimstvovaniya iz ural'skih, altaiskih i paleoaziatskikh yazykov.* Novosibirsk, 1997.]
- АНИКИН А. Е.: *Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков.* 2-е изд., испр. и доп. М., Новосибирск, 2000. [ANIKIN A. E.: *Etimologicheskii slovar' russkikh dialektov Sibiri: Zaimstvovaniya iz ural'skih, altaiskih i paleoaziatskikh yazykov.* 2-e izd., ispr. i dop. M., Novosibirsk, 2000.]
- АПРЕСЯН Ю. Д.: *Лексическая семантика. Синонимические средства языка.* М., 1995. [APRESYAN Yu. D.: *Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka.* M., 1995.]
- АФАНАСЬЕВА К. В.: *Русско-мансийский тематический словарь.* СПб., 2008. [AFANAS'eva K. V.: *Russko-mansiiskii tematicheskii slovar'.* SPb., 2008.]
- БУБРИХ Д. В.: *Историческая грамматика эрзянского языка / Под ред. М. Н. Коляденкова и Н. Ф. Цыганова.* Саранск, 1953. [BUBRIN D. V.: *Istoricheskaya grammatika erzyanskogo yazyka / Pod red. M. N. Kolyadenkova i N. F. Cyganova.* Saransk, 1953.]
- БУРЛАК, С.А., СТАРОСТИН С.А.: *Сравнительно-историческое языкознание.* М., 2005. [BURLAK, S.A., STAROSTIN S.A.: *Sravnitel'no-istoricheskoe yazykoznanie.* M., 2005.]
- ВАСИЛЬЕВ В. М., САВАТКОВА А. А., УЧАЕВ З. В.: *Мари́йско-русский словарь.* Йошкар-Ола, 1991. [VASIL'EV V. M., SAVATKOVA A. A., UCHAEV Z. V.: *Mariisko-russkii slovar'.* Ioshkar-Ola, 1991.]
- ГОРДЕЕВ Ф. И.: *Этимологический словарь мари́йского языка.* Том 1: А–Б. Йошкар-Ола, 1979. [GORDEEV F. I.: *Etimologicheskii slovar' mariiskogo yazyka.* Tom 1: A–B. Ioshkar-Ola, 1979.]

- ГСУЯ — Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск, 1962. [*Grammatika sovremenno go udmurtskogo yazyka. Fonetika i morfologiya. Izhevsk, 1962.*]
- ДСТЯ — Диалектологический словарь татарского языка. Казань, 1969. [*Dialektologicheskii slovar' tatarskogo yazyka. Kazan', 1969.*]
- ДЫБО А. В.: Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. М., 2007. [DYBO A. V.: *Lingvisticheskie kontakty rannih tyurkov. Leksicheskii fond. M., 2007.*]
- ДЫБО В. А.: От редактора // В. М. Иллич-СВИТЫЧ. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь: *p — q. По карточкам автора. М., 1984. С. 3—12.* [DYBO V. A.: *Ot redaktora // V. M. ILLICH-SVITYCH. Opyt sravneniya nostraticheskikh yazykov. Sravnitel'nyi slovar': p — q. Po kartotekam avtora. M., 1984. S. 3—12.*]
- ДЫБО В. А. Отчет о деятельности ностратического семинара им. В. М. Иллич-Свитыча // *Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод. М., 1989, с. 291—298.* [DYBO V. A. *Otchet o deyatel'nosti nostraticheskogo seminar im. V. M. Illich-Svitycha // Istoricheskaya akcentologiya i sravnitel'no-istoricheskii metod. M., 1989, s. 291—298.*]
- ЖИВЛОВ М. А.: Реконструкция праобскоугорского вокализма. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. [ZHIVLOV M. A.: *Rekonstrukciya praobskougorskogo vokalizma. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2006.*]
- ЖИВЛОВ М. А.: Рецензия на [Норманская, Дыбо 2010] // *Вопросы языкового родства* 6 (2011), 217—226. [ZHIVLOV M. A.: *Review of [Normanskaya, Dybo 2010] // Journal of Language Relationship* 6 (2011), 217—226.]
- КУЗНЕЦОВА М.: Происхождение названий животных в марийском языке [KUZNECOVA M.: *Proishozhdenie nazvaniy zhivotnyh v mariiskom yazyke // Linguistica Uralica* XXIX (3) (1993), 182—188.
- КЭСК — [Лыткин, Гуляев 1970].
- ЛЫТКИН В. И., ГУЛЯЕВ Е. С.: *Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.* [LYTKIN V. I., GULYAEV E. S.: *Kratkii etimologicheskii slovar' komi yazyka. M., 1970.*]
- Мар. словарь — АБРАМОВА А. А., ВЕРШИНИН В. И., ЕФРЕМОВ А. С., ЗАЙНИЕВА Г. И., ИСАНБАЕВ Н. И.: *Словарь марийского языка. Йошкар-Ола, 1990.* [ABRAMOVA A. A., VERSHININ V. I., EFREMOV A. S., ZAINIEVA G. I., ISANBAEV N. I.: *Slovar' mariiskogo yazyka. Ioshkar-Ola, 1990.*]
- МРС 1956 — *Марийско-русский словарь. 21 000 слов. С приложением краткого грамматического очерка марийского языка. М., 1956.* [Mariiskoro-russkii slovar'. 21 000 slov. S prilozheniem kratkogo grammaticheskogo ocherka mariiskogo yazyka. M., 1956.]
- НАПОЛЬСКИХ В. В.: Происхождение названия 'медведя' / 'дракона' в уральских языках [NAPOL'SKIH V. V.: *Proishozhdenie nazvaniya 'medvedya' / 'drakona' v ural'skikh yazykah // Linguistica Uralica* XXXIII (1) (1997), 27—31.
- НАПОЛЬСКИХ В. В.: *Кентавр ~ ганхдарва ~ дракон ~ медведь: к эволюции одного мифологического образа в Северной Евразии* [NAPOL'SKIH V. V.: *Kentavr ~ ganhdarva ~ drakon ~ medved': k evolyucii odnogo mifologicheskogo obraza v Severnoi Evrazii // Nartamongæ. The Journal of Alano-Ossetic Studies* 5 (1—2) (2008), 43—63.
- НОРМАНСКАЯ Ю. В.: Реконструкция прафинно-волжского ударения. М., 2008. [NORMANSKAYA Yu. V.: *Rekonstrukciya prafinno-volzhskego udareniya. M., 2008.*]
- НОРМАНСКАЯ Ю. В.: Новый взгляд на историю пермского вокализма: описание развития вокализма первого слога в коми и удмуртском языках в зависимости от прапермского ударения и гласного второго слога // *Вопросы уралистики* 2009. СПб., 2009. С. 260—295. [NORMANSKAYA Yu. V.: *Novyi vzglyad na istoriyu permskogo vokalizma: opisaniye razvitiya vokalizma pervogo sloga v komi i udmurtskom yazykah v zavisimosti ot prapermskogo udareniya i glasnogo vtorigo sloga // Voprosy uralistiki* 2009. SPb., 2009. S. 260—295.]
- НОРМАНСКАЯ Ю. В.: Соотношение прапермской и прафинно-волжской акцентных систем // *В пространстве языка и культуры: звук, знак, смысл. Сборник статей к юбилею В. А. Виноградова. М., 2010.* [NORMANSKAYA Yu. V.: *Sootnosheniye prapermskoi i prafinno-volzhskei akcentnykh sistem // V prostranstve yazyka i kul'tury: zvuk, znak, smysl. Sbornik statei k yubileyu V. A. Vinogradova. M., 2010.*]
- НОРМАНСКАЯ Ю. В.: Происхождение системы прахантыйского вокализма // *Тезисы Международного конгресса по балто-славянской акцентологии. М., 2011а.* [NORMANSKAYA Yu. V.: *Proishozhdeniye sistemy prahantyiskogo vokalizma // Tezisy Mejdunarodnogo kongressa po balto-slavyanskoi akcentologii. M., 2011a.*]
- НОРМАНСКАЯ Ю. В.: Разноместное ударение в селькупском языке и прасамодийская реконструкция // *Сборник статей ОИФН РАН, 2011б.* [NORMANSKAYA Yu. V.: *Raznomestnoye udareniye v sel'kupskom yazyke i prasamodiiskaya rekonstrukciya // Sbornik statei OIFN RAN, 2011b.*]

- НОРМАНСКАЯ Ю. В., ДЫБО А. В.: *Тезаурус. Лексика природного окружения в уральских языках*. М., 2010. [NORMANSKAYA Yu. V., DYBO A. V.: *Tezaurus. Leksika prirodnogo okruzheniya v ural'skih yazykah*. М., 2010.]
- ОСНЯ — ИЛЛИЧ-СВИТЫЧ В. М.: *Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский)*. Т. 1: Введение. Сравнительный словарь (b — Ҡ) / Под ред. и с вступ. статьей В. А. ДЫБО. М., 1971; Т. 2: Сравнительный словарь (l — ʒ). М., 1976; Т. 3: Сравнительный словарь (p — q). По карточкам автора / Отв. ред. В. А. ДЫБО. М., 1984. [ILICH-SVITYCH V. M.: *Opyt sravneniya nostraticheskikh yazykov (semitohamitskii, kartvel'skii, indoevropetskii, ural'skii, dravidiiskii, altaiskii)*. Т. 1: *Vvedenie. Sravnitel'nyi slovar' (b — Ҡ)* / Pod red. i s vstup. stat'ei V. A. Dybo. М., 1971; Т. 2: *Sravnitel'nyi slovar' (l — ʒ)*. М., 1976; Т. 3: *Sravnitel'nyi slovar' (p — q)*. Po kartotekam avtora / Otv. red. V. A. Dybo. М., 1984.]
- САБАНЕЕВ Л. П.: *Собрание сочинений в 8 томах*. Том 1: *Рыбы России. Жизнь и ловля (ужение) наших пресноводных рыб*. Ч. 1. М., 1993. [SABANEEV L. P.: *Sobranie sochinenii v 8 tomah*. Том 1: *Ryby Rossii. Zhizn' i lovlya (uzhenie) nashih presnovodnyh ryb*. Ch. 1. М., 1993.]
- СЕРЕБРЕННИКОВ Б. А.: Проблема достаточности основания в гипотезах, касающихся генетического родства языков // *Теоретические основы классификации языков мира*. М., Наука, 1982. С. 6—62. [SEREBRENNIKOV B. A.: *Problema dostatochnosti osnovaniya v gipotezah, kasayushchihya geneticheskogo rodstva yazykov* // *Teoreticheskie osnovy klassifikacii yazykov mira*. М., Nauka, 1982. S. 6—62.]
- СОКОЛОВ С. В., ТУГАНАЕВ В. В.: *Биологической нимкылъёсын кылбугор = Словарь биологических терминов*. Ижевск, 1994 [SOKOLOV S. V., TUGANAEV V. V.: *Biologicheskoi nimkyl'esyn kylbugor = Slovar' biologicheskikh terminov*. Izhevsk, 1994.]
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Вып. 1— М., Л., СПб., 1965—. [Slovar' russkikh narodnyh govorov. Вып. 1— М., Л., СПб., 1965—.]
- СТАРОСТИН С. А.: Сравнительное языкознание и этимологические базы данных // *Труды Отделения историко-филологических наук*. 2005. М., Наука, 2005. С. 40—49. [STAROSTIN S. A.: *Sravnitel'noe yazykoznanie i etimologicheskie bazy dannyh* // *Trudy Otdeleniya istoriko-filologicheskikh nauk*. 2005. М., Nauka, 2005. S. 40—49.]
- СЧЯ — АШМАРИН Н. И.: *Словарь чувашского языка*. Чебоксары, 1994—2000 (репринт. воспроизв. изд.: Казань, 1928 — Чебоксары, 1950). [ASHMARIN N. I.: *Slovar' chuvashskogo yazyka*. Cheboksary, 1994—2000.]
- Тезаурус — [Норманская, Дыбо 2010].
- ТЕРЕЩЕНКО Н. М.: *Ненецко-русский словарь*. М., 1965. [TERESCHENKO N. M.: *Nenecko-russkii slovar'*. М., 1965.]
- УРС — КИРИЛЛОВА Л. Е. (отв. редактор): *Удмуртско-русский словарь*. Ижевск, 2008. [KIRILLOVA L. E. (otv. redaktor): *Udmurtsko-russkii slovar'*. Izhevsk, 2008.]
- ХАКУЛИНЕН Л.: *Развитие и структура финского языка*. М., 1953. [HAKULINEN L.: *Razvoitie i struktura finskogo yazyka*. М., 1953.]
- ЩЕРБАК А. М.: О ностратических исследованиях с позиции тюрколога // *ВЯ* 1984, 6, С. 30—42. [SCHERBAK A. M.: *O nostraticheskikh issledovaniyah s pozicii tyurkologa* // *VYa* 1984, 6, S. 30—42.]
- ЭРС 1993 — СЕРЕБРЕННИКОВ Б. А., БУЗАКОВА Р. Н., МОСИНА М. В. (ред.): *Эрзянско-русский словарь. Около 27 000 слов*. М., 1993. [SEREBRENNIKOV B. A., BUZAKOVA R. N., MOSINA M. V. (red.): *Erzyansko-russkii slovar'*. Okolo 27 000 slov. М., 1993.]
- АКЮ, А.: *The Saami loanwords in Finnish and Karelian*. Academic Dissertation. Oulu, 2009 (<http://cc.oulu.fi/~anai-kio/slw.pdf>).
- АКЮ А.: *Suomen kauka* // *Virittäjä* 4 (2000), 612—614.
- АЛАТАЛО, J. (comp. & ed.): *Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U. T. Sirelius und Jarmo Alatalo*. (LSFU XXX). Helsinki, 2004.
- BERECZKI G.: *Geschichte der wolgafinnischen Sprachen* // Sinor, D. (ed.): *The Uralic Languages: Description, History and Foreign Influences*. Leiden, 1988, 314—350.
- BERECZKI G.: *Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte*. I—II // *Studia Uralo-Altaica*. 1992—1994. 34—35.
- COLLINDER B.: *Comparative Grammar of the Uralic Languages*. Stockholm, 1960.
- DEWOS — STEINITZ W.: *Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache*. Lfg. 1—15. Berlin, 1966—1993.
- Donner 1944 — DONNER K.: *Kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzüge der Grammatik*. Helsinki, 1944.
- DYBO A. V., STAROSTIN G. S.: *In Defense of the Comparative Method, or The End of the Vovin Controversy* // *Аспекты компаративистики* 3. М., 2008. С. 119—258.

- EDAL — STAROSTIN S., DYBO A., & MUDRAK O.: *Etymological dictionary of the Altaic Languages*. Leiden, 2003.
- EWUng — BENKŐ L. (ed.): *Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen*. Bd. I—II. Budapest, 1993—1995.
- GREENBERG J. H.: *Language in the Americas*. Stanford, California, 1987.
- HELIMSKI E. Энецкие словарные материалы на сайте <http://www.uni-hamburg.de/ifuu/Arbeiten.html>, 2007
- HELIMSKI E. Kommentaren zu [Alatalo 2004] на сайте <http://www.uni-hamburg.de/ifuu/Arbeiten.html>, 2007a
- HELIMSKI E. Marginalia ad [UEW] на сайте <http://www.uni-hamburg.de/ifuu/Arbeiten.html>, 2007b
- HONTI L.: *Geschichte des obugrischen Vokalismus der ersten Silbe*. Budapest, 1982.
- JANHUNEN J.: Uralilaisen kantakielen sanastosta // *Journal de la Société Finno-ougrienne* 77 (1981), 219—274.
- JANHUNEN J.: Samoyedic // ABONDOLO D. (ed.) *The Uralic Languages*. London, New York, 1998, 457—479.
- KORHONEN M.: The Lapp Language // SINOR, D. (ed.): *The Uralic Languages: Description, History and Foreign Influences*. Leiden, 1988a, 41—57.
- KORHONEN M.: The History of the Lapp Language // SINOR, D. (ed.): *The Uralic Languages: Description, History and Foreign Influences*. Leiden, 1988b, 264—287.
- KT — KARJALAINEN K. F.: *Ostjakisches Wörterbuch* / Bearbeitet u. herausg. v. Y. H. TOIVONEN. Bd. 1—2. (LSFU X). Helsinki, 1948.
- LEHTIRANTA J.: *Yhteissaamelainen sanasto*. (SUST 200). Helsinki, 1989.
- MIKOLA T.: Geschichte der samojedischen Sprachen // SINOR D. (ed.): *The Uralic Languages: Description, History and Foreign Influences*. Leiden, 1988, 219—263.
- MK — [Munkácsi & Kálmán 1986].
- MOISIO, A. & SAARINEN, S.: *Tscheremissisches Wörterbuch*. Aufgezeichnet von Volmari Porkka, Arvid Genetz, Yrjö Wichmann, Martti Räsänen, T. E. Uotila und Erkki Itkonen. (LSFU XXXII). Helsinki, 2008.
- MUNKÁCSI, B. & KÁLMÁN B.: *Wogulisches Wörterbuch*. Budapest, 1986.
- MW — [Paasonen 1990—1999].
- NCED — NIKOLAYEV S. L., STAROSTIN S. A.: *A North Caucasian Etymological Dictionary* / Edited by S. A. STAROSTIN. Moscow, 1994.
- PAASONEN H.: *Mordwinisches Wörterbuch*. Bd. I—VI. (LSFU XXIII) Helsinki, 1990—1999.
- POKORNY J.: *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern, 1959.
- QVIGSTAD J. K.: *Nordische Lehnwörter im Lappischen*. Christiania, 1893.
- SALMINEN T.: *A morphological dictionary of Tundra Nenets*. (LSFU XXVI). Helsinki, 1998.
- SAMMALLAHTI P.: Historical phonology of the Uralic languages // SINOR D. (ed.): *The Uralic Languages: Description, History and Foreign Influences*. Leiden, 1988, 478—554.
- SAMMALLAHTI P.: *The Saami languages: An Introduction*. Kárášjohka / Karasjok, 1998.
- SSA — *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja*. I—III. Helsinki, 1992—2000.
- SW — JANHUNEN J.: *Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedischen Etymologien*. (Castrenianumin toimitteita 17). Helsinki, 1977.
- UEW — RÉDEI K.: *Uralisches Etymologisches Wörterbuch*. Bd. I—III. Budapest, 1986—1991.
- VOVIN A.: The End of the Altaic Controversy // *Central Asiatic Journal* 49/1, pp. 71—132.

The paper suggests a formal approach to the evaluation of the quality of works on etymology, based on an algorithm of consistent and thorough analysis of all the levels of comparison. As an illustration of the opposite approach, the authors analyze a recent review of the monograph [Normanskaya, Dybo 2010], which, as they conclude, pays too much attention to criticizing the particulars without taking the whole into account.

Keywords: proto-language reconstruction, Uralic language family.